

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарский государственный университет»

Филологический факультет
Кафедра русского языка

Н.А. Чернявская

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Синтаксис простого предложения

Практикум

Издательство «Самарский университет»
2008

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

Практикум содержит задания и образцы их выполнения по ключевым темам курса «Синтаксис простого предложения». Предлагаемые тексты отличаются высоким уровнем сложности, позволяющим обобщать изученный материал. Наличие большого количества вариантов позволяет сделать работу студентов индивидуальной.

Предназначен для проверки навыков синтаксического анализа, а также для самостоятельной работы студентов дневного и заочного отделений. Материалы практикума могут быть использованы также на практических занятиях по современному русскому языку.

Рецензент канд. филол. наук, доц. М.Н. Барабина

Задания и варианты текстов контрольной работы

Задание 1. В каждой предикативной единице подчеркните главные члены. Дайте характеристику сказуемого (простое глагольное, составное глагольное, составное именное, составное именное осложненное). На полях, выделенных справа, охарактеризуйте все предикативные единицы, определяя их двусоставность или односоставность, тип односоставного предложения, полноту или неполноту.

Образец разбора:

Мушка была маленькая облезлая собачонка с мохнатой мордой. Никитина она ненавидела; увидев его, она всякий раз склоняла голову набок, скалила зубы и начинала лаять. Потом садилась под стул, а хозяева говорили:

– Не бойтесь, она не кусается (По А. Чехову).

сост.им.

Мушка была маленькая облезлая собачонка с мохнатой мордой. - двусост.,
полн.

1) *пр.гл.*

Никитина она ненавидела;

- двусост., полн.

2) *пр.гл.*

увидев его, она всякий раз склоняла голову набок,

пр.гл. *сост.гл.*

скалила зубы и начинала лаять.

- двусост., полн.

1) *пр.гл.*

Потом садилась под стул,

- двусост., неполн. (отсутств. подлежаж.)

2) *пр.гл.*

а хозяева говорили:

- двусост., неполн. (отсутств. доп.)

3) *пр.гл.*

– Не бойтесь,

- односост., опр.-личное, полн.

4) *пр.гл.*

она не кусается.

- двусост., полн.

1

1. Плохую картину можно спрятать, скверную скульптуру разбить, но как поступить с фасадом дворца? (Д. Дидро).
2. Близок локоть, да не укусишь (Пословица).
3. В чужом глазу сучок видим, а в своем и бревна не замечаем (Пословица).
4. В сущности, нет ни прекрасного стиля, ни прекрасной линии, ни прекрасного цвета, единственная красота – это правда, которая становится зримой (О. Роден).
5. Лежачего не бьют (Пословица).
6. – Может, чаю хотите?
Дымову хотелось и пить и есть, но, чтобы не портить себе аппетита, он отказался от чая (А.П. Чехов).
7. На душе становится беспечно (В. Гроссман).
8. Я направился к выходу. Следует уходить раньше, чем тебя к этому недвусмысленно вынуждают (С. Довлатов).
9. «Где у них черная лестница?..» – соображал пес (М. Булгаков).
10. Кто не умеет говорить, карьеры не сделает (Наполеон).

2

1. Как аукнется, так и откликнется (Пословица).
2. Подумай, как трудно изменить себя самого, и поймешь, сколь ничтожны твои возможности изменить других (Вольтер).
3. Соловья баснями не кормят (Пословица).
4. Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы (Н.М. Карамзин).
5. Одни созданы для того, чтобы любить, другие – для того, чтобы жить (А. Камю).
6. За окном – ленинградские крыши, антенны, бледное небо (С. Довлатов).
7. Как горько смотреть на женщину, которую когда-то любил всем сердцем, всей душой...(С. Моэм).
8. – Становится свежо, – сказала Ольга Ивановна и вздрогнула (А.П. Чехов).
9. Дают – бери, бьют – беги (Пословица).
10. Однажды Надя, точно повторяя отцовскую интонацию, сказала о Постоеве:
– Жук, бездарность, ловчила! (В. Гроссман).

3

1. Родиться глупым не стыдно, стыдно только умирать глупцом (Э.-М. Ремарк).
2. Лучше скажи мало, но хорошо (К. Прутков).
3. Много будешь знать, скоро состаришься (Пословица).

4. Виктор Петрович знал на печальном опыте, как часто приходится сталкиваться с собеседником, который как будто и умен, и остроумен, и в то же время невыносимо скучен (В. Гроссман).

5. По одежке встречают, по уму провожают (Пословица).

6. Не зная, как усмирить в себе тяжелую ревность, от которой даже в висках ломило, и, думая, что еще можно поправить дело, она умывалась, пудрила заплаканное лицо и летела к знакомой даме (А.П. Чехов).

7. В подъезде было тихо и сыро (С. Довлатов).

8. «Зинка в кинематограф пошла, – думал пес, – а как придет, ужинать, стало быть, будем. Сегодня, надо полагать, – телячьи отбивные!» (М. Булгаков).

9. Он был сыном видного меньшевистского деятеля. Закончил Горный институт в Петербурге. Выпустил книгу стихов «Пробуждение», которая давно уже числилась библиографической редкостью (С. Довлатов).

4

1. Тише едешь – дальше будешь (Пословица).

2. Евгении Николаевне пришлось пережить много волнений в связи с пропиской (В. Гроссман).

3. Прежде дорожили лицом и скрывали тело, нынче ценят тело и равнодушны к лицу (В.И. Даль).

4. Можно быть хитрее другого, но нельзя быть хитрее всех (Ларошфуко).

5. Чему быть, того не миновать (Пословица).

6. Везде хорошо, где нас нет (Пословица).

7. Дайте мне музей, и я заполню его (П. Пикассо).

8. В избу вошла баба и стала не спеша топить печь, чтобы готовить обед. Запахло гарью... (А.П. Чехов).

9. Мы пересекли зал с огромными часами. Вышли на залитую солнцем улицу (С. Довлатов).

10. Посреди комнаты – тяжелый, как гробница, стол, накрытый белой скатертью, а на ней два прибора, салфетки, свернутые в виде папских тиар, и три темных бутылки (М. Булгаков).

5

1. Нужно иметь большой ум, чтобы уметь не показывать своего умственного превосходства (Ларошфуко).

2. Век живи, век учись – дураком помрешь (Пословица).

3. Скучен день до вечера, коли делать нечего (Пословица).

4. – Писем мне, Федор, не было? (М. Булгаков).

5. Если собираетесь кого-нибудь полюбить, научитесь сначала прощать (А.Н. Плещеев).

6. – Вот вы говорите, что ученикам трудно. А кто виноват, позвольте вас спросить? (А.П. Чехов).

7. На сердитых воду возят (Пословица).

8. – Вы свободны сегодня вечером?
– Нет, занята, – сердито ответила Женя (В. Гроссман).
9. Мне захотелось уйти подальше от людей (С. Довлатов).
10. – Новый шеф уже здесь, – сказал Штрум.
– Человек большой энергии, – сказал Свечин (В. Гроссман).

6

1. Знать прошлое достаточно неприятно, знать еще и будущее было бы просто невыносимо (С. Моэм).
2. Подальше положишь, поближе возьмешь (Пословица).
3. Если есть у тебя нечто лучшее – предложи, если ж нет – покоряйся Гораций).
4. Снявши голову, по волосам не плачут (Пословица).
5. Вместе тесно, а врозь скучно (Пословица).
6. – Господи боже мой, это был бы такой ученый, которого теперь с огнем не найдешь (А.П. Чехов).
7. Жене нравилось разговаривать с Шаргородским (В. Гроссман).
8. Тася еще долго бродила по комнате. Роняла какие-то банки. Курила, причесывалась. Даже звонила кому-то (С. Довлатов).
9. «Ерунда – калоши. Не в калошах счастье», – думал пес... (М. Булгаков).
10. Почерк показался ей знакомым, но, как настоящая женщина, она сейчас же отложила записку в сторону, чтобы посмотреть на браслет (А.И. Куприн).

7

1. Цену вещи узнаешь, как потеряешь (Пословица).
2. Чудеса – там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они случаются (Д. Дидро).
3. Взаяся за гуж, не говори, что не дюж (Пословица).
4. – Общее собрание просит вас добровольно, в порядке трудовой дисциплины, отказаться от столовой. Столовой нет ни у кого в Москве (М. Булгаков).
5. С лица воду не пить (Пословица).
6. Кто умеет льстить, умеет и клеветать (Наполеон).
7. В любви, как и в искусстве, не нужно говорить того, что было сказано другими: нужно говорить то, что чувствуешь (Р. Роллан).
8. Неприятель был близко, так что не позволялось ни говорить, ни курить (А.П. Чехов).
9. Лимонов вошел в маленькую Женину комнату и сказал: «Да-а, телесам моим тут тесно, авось мыслям будет просторно» (В. Гроссман).
10. Не принято было в этом обществе размахивать кулаками (С. Довлатов).

8

1. Чтобы стать долгожителем, нужно тщательно выбирать своих предков (Б. Рассел).

2. Пролитую воду не соберешь (Пословица).
3. Он между тем приподнялся. Не глядя, вытащил из-под себя очки. Установил, что стекла целы. Сел (С. Довлатов).
4. Обещанного три года ждут (Пословица).
5. В гостях хорошо, а дома лучше (Пословица).
6. Мы умнее тех, кого выбираем (М. Жванецкий).
7. Но не у одних только Шелестовых жилось весело (А.П. Чехов).
8. Не было у нее ни коровы, ни овцы, ни стрижей под крышей (В. Гроссман).
9. – Подлец, – выговорила барышня, сверкая заплаканными размазанными глазами... (М. Булгаков).
10. – И пожил бы у нас, дедушка, – сказала Вера.
– Нельзя, милая, нельзя. Служба... Отпуск кончился... А что говорить, хорошо было бы! (А.И. Куприн).

9

1. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь (Пословица).
2. Дареному коню в зубы не смотрят (Пословица).
3. – Отчего у вас шрам на лбу? Потрудитесь объяснить этой даме, – вкрадчиво спросил Филипп Филиппович (М. Булгаков).
4. Лучше оправдать десять виновных, чем обвинить одного невинного (Екатерина II).
5. Оставим красивых женщин людям без воображения (М. Пруст).
6. В кабинете было темно и тихо (А.П. Чехов).
7. – Видите, товарищи, – сказал комиссар. – Там, где нет идейной ясности, нет и дисциплины (В. Гроссман).
8. Мы обогнули пруд. Подошли к чугунной ограде. Остановились в зеленой тьме на краю парка (С. Довлатов).
9. В плите гудело, как на пожаре, а на сковородке ворчало, пузырилось и прыгало (М. Булгаков).
10. Марков, понизив голос, сказал:
– Виктор Павлович, говорят, что в свое время Резерфорд дал клятву не начинать работу с нейтронами, опасаясь, что с их помощью можно будет добраться до огромных взрывных сил. Благородно, но чистоплюйство бессмысленное (В. Гроссман).

10

1. «Зачем, – говорит эгоист, – стану я работать для потомства, когда оно ровно ничего для меня не сделало?» (К. Прутков).
2. Старого воробья на мякине не проведешь (Пословица).
3. Сколько вору ни воровать, а кнута не миновать (Пословица).
4. Новикову хотелось выйти на воздух, побыть одному (В. Гроссман).
5. После драки кулаками не машут (Пословица).
6. Склероз нельзя вылечить, но о нем можно забыть (Ф. Раневская).
7. В передней не было ни души (А.П. Чехов).

8. Я собрал вещи. Затем простился с однокурсниками. Они советовали мне не падать духом. Улыбались и говорили, что все будет хорошо (С. Довлатов).

9. – Виктор Павлович, – сказал он, – у меня к вам дело, партбюро просит вас выступить на собрании в связи с новыми задачами (В. Гроссман).

10. О, как надоело ему видеть каждый день все те же убогие немногочисленные предметы его «обстановки». Лампа с розовым колпаком-тюльпаном на крошечном письменном столе <...>; на стене вдоль кровати войлочный ковер с изображением тигра <...>, жиденькая этажерка с книгами в одном углу, а в другом фантастический силуэт виолончельного футляра... (А. И. Куприн).

11

1. Лучше терпеть зло, чем причинять зло (С. Моэм).

2. На всех не угодишь (Пословица).

3. Лес рубят – щепки летят (Пословица).

4. На красном носу старомодные маленькие очки в серебряной оправе, глазки блестящие, небольшие, росту высокого, сутуловат (М. Булгаков).

5. Не радуйся, нашедши, не плачь, потеряв (Пословица).

6. Шел дождь, было темно и грязно (А.П. Чехов).

7. Новикову и его подчиненным, как и всегда в подобных случаях, казалось, что им не хватило времени дл полного, совершенного овладения учебными программами (В. Гроссман).

8. В парке было сыро, чувствовалась осень (С. Довлатов).

9. – Вот барин зашел... Пытает дорогу, – пояснила старуха. – Ну, батюшка, – с решительным видом обернулась она ко мне, – будет тебе прохладяться. Напился водицы, поговорил да пора и честь знать. Мы тебе не компания... (А.И. Куприн).

10. – Меня в Париже давно ждут, Левушка. А у племянницы нет денег выслать мне на дорогу (В. Набоков).

12

1. Двум смертям не бывать, а одной не миновать (Пословица).

2. Давно называют свет бурным океаном, но счастлив, кто плывет с компасом (Н.М. Карамзин).

3. Дыма без огня не бывает (Пословица).

4. Шерсть жидкая, кустами, буроватая, с подпалинами. Хвост цвета топленого молока. На правом боку следы совершенно зажившего ожога (М. Булгаков).

5. Насильно мил не будешь (Пословица).

6. История подобна гвоздю, на который можно повесить все, что угодно (А. Дюма).

7. Указую господам сенаторам, чтобы речь держать не по-писаному, а своими словами, чтобы дурь была видна каждого (Петр I).

8. Было тихо и уныло (А.П. Чехов).

9. Штрум не сомневался: нет в мире человека счастливей ученого... (В.

Гроссман).

10. Пейзаж за окном становился все более унылым. Потемневшие от дождя сараи, кривые заборы и выцветшая листва (С. Довлатов).

13

1. Учи дитя, пока поперек лавки укладывается, а во всю вытянется – не научишь (Пословица).

2. В поезде читают, потому что скучно, в трамвае – потому что интересно (И. Ильф).

3. Чтобы озарять светом других, нужно носить солнце в себе (Р. Роллан).

4. Даже домой не хотелось (А.П. Чехов).

5. Она стала объяснять, что у Петра Лаврентьевича ранимая душа, что он много пережил, его в тридцать седьмом году вызывали на жестокие допросы, после этого он провел четыре месяца в нервной клинике (В. Гроссман).

6. Претензий, следовательно, быть не может (С. Довлатов).

7. – Скажите...неужели в самом деле вы никогда не любили настоящей любовью?..

– Право, не сумею вам ответить, – замялся старик, поднимаясь с кресла. – Должно быть, не любил. Сначала все было некогда: молодость, кутежи, карты, война... Казалось, конца не будет жизни, юности и здоровью. А потом оглянулся – и вижу, что я уже развалина... (А.И. Куприн).

14

1. Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит (Пословица).

2. Делай вид, что уважаешь себя, и тебя будут уважать (А. Дюма).

3. Двенадцать рублей было не жалко, и слова партнера не содержали в себе ничего обидного, но все-таки было неприятно (А.П. Чехов).

4. Плац закрыло облаками дыма и пыли (В. Гроссман).

5. Эрдману задавали вопросы. Молодой американец сказал:

– Истинной свободы нет в России. Истинной свободы нет в Америке. Так в чем же разница? (С. Довлатов).

6. И вдруг появляется эта, мягко говоря, неуравновешенная женщина. Привносит в мою жизнь непомерную долю абсурда. Ворошит давно забытое прошлое. И в результате заставляет меня страдать (С. Довлатов).

7. Жить весело, и помирать не с чего (Пословица).

8. – Чего же она боится?

– Известно чего, – начальства боится... Урядник приедет, так завсегда грозит: «Я, говорит, тебя во всякое время могу упрятать. Знаешь, говорит, что вашему брату за чародейство полагается? Ссылка в каторжную работу, без срока, на Соколиный остров» (А.И. Куприн).

15

1. Принимаясь за дело, соберись с духом (К. Прутков).

2. На чужой роток не накинешь платок (Пословица).
3. Сильно, до духоты пахло хвоей (А.П. Чехов).
4. Не твой воз, не тебе его и везти (Пословица).
5. Клин клином вышибают (Пословица).
6. Не надо бороться за чистоту, надо подметать (И. Ильф).
7. Даренскому беспричинно стало весело и приятно (В. Гроссман).
8. Тут позвонил Абрикосов и спрашивает:
 - У тебя случайно нет моего папы?
 - Нет, – говорю, – а что?
 - Пропал. Как сквозь землю провалился. И где разыскивать его, не знаю (С. Довлатов).
9. Ночь была так черна, что в первые минуты, пока глаза не притерпелись после света к темноте, приходилось ощупью ногами находить дорогу (А.И. Куприн).
10. Тут я решил позвонить одной знакомой женщине. Так, ничего особенного. Просто знакомая женщина лет тридцати из соседнего дома. Без мужа (С. Довлатов).

16

1. – Тебе здесь скучно и делать нечего, и надо быть большим эгоистом, чтобы удержать тебя. Поезжай, а после двадцатого увидимся (А.П. Чехов).
2. Из песни слова не выкинешь (Пословица).
3. И жить не скучно, и помирать не тошно (Пословица).
4. Поступай хорошо, и пусть говорят, что хотят (А. Дюма).
5. Калмыцкая степь! Древнее, благородное создание природы, где нет ни одной кричащей краски, где нет ни одной резкой, острой черты в рельефе... (В. Гроссман).
6. Вот он подходит к роялю. Садится, трогает клавиши. Что это? Капли ударили по стеклу, рассыпались бусы, зазвенели тронутые ветром листья?.. Затем все тревожнее далекое эхо. И наконец – обвал, лавина (С. Довлатов).
7. На словах только в любви объясняются, а о делах следует писать (П. Капица).
8. – Вижу – на шкафу стенгазета. Схватил, засунул под рубаху. Дарю тебе в качестве сувенира... (С. Довлатов).

17

1. Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол» – не верь глазам своим (К. Прутков).
2. – Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе и не существует (М. Булгаков).
3. – Ты не верь, пожалуйста, тому, кто тебе скажет, что не боялся и что свист пуль для него самая сладкая музыка. Это или псих, или хвастун. Все одинаково боятся (А.И. Куприн).
4. Опубликовать что-то стоящее я уже не рассчитывал. Подчинился естественному ходу жизни (С. Довлатов).

5. Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло (Пословица).
6. Занятым людям некогда разглядывать женщин (А. Дюма).
7. Победителей не судят (Екатерина II).
8. Ему было неудобно лежать (А.П. Чехов).
9. Необстрелянным, наивным ребятам-танкистам казалось, что именно им предстоит участвовать в решающем деле (В. Гроссман).
10. На улице стало пасмурно (С. Довлатов).

18

1. – Так ты кусаться, окаянная! – слышит вдруг Очумелов. – Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! (А.П. Чехов).
2. Одной рукой узла не завяжешь (Пословица).
3. Друзей-то много, да друга нет (Пословица).
4. Работа была закончена, и Штруму захотелось говорить о ней, – до этого он не думал о людях, с которыми поделится своими мыслями (В. Гроссман).
5. Нас познакомили в ресторане. Вольф напоминал американского безработного с плаката. Джинсы, свитер, мятый клетчатый пиджак (С. Довлатов).
6. Коли дома не пекут, так и в людях не дадут (Пословица).
7. Увидев меня, она стала притворяться, что перебирает сухие лепестки роз, которые, надо сказать, тамошние жители собирают целыми мешками (А.И. Куприн).
8. – Скажи мне, Верочка, если только тебе не трудно, что это за история с телеграфистом, о котором рассказывал сегодня князь Василий? Что здесь правда и что выдумка...? (А.И. Куприн).

19

1. Чтобы что-то узнать, нужно уже что-то знать (С. Лем).
2. – Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... (А.П. Чехов).
3. Кашу маслом не испортишь (Пословица).
4. В чужой монастырь со своим уставом не ходят (Пословица).
5. В Таллинне гастролировал Оскар Питерсон, знаменитый джазовый импровизатор. Мне довелось побывать на его концерте (С. Довлатов).
6. «Нет, куда уж, ни на какую волю отсюда не уйдешь, зачем лгать, – тосковал пес, сопя носом, – привык... Да и что такое воля? Так, дым, мираж, фикция... Бред этих злосчастных демократов...» (М. Булгаков).
7. – Когда поселок отрезали и я в этом доме собрал людей, оружие, отбил тридцать атак, восемь танков сжег, надо мной командиров не было (В. Гроссман).
8. – Осень. Вот и мне уж пора собираться. Ах, жаль-то как! Тут бы жить да жить на берегу моря, в тишине, спокойненько... (А.И. Куприн).
9. Я неловко и сбивчиво объяснил ему, в чем дело (С. Довлатов).

20

1. От трудов праведных не наживешь палат каменных (Пословица).
2. Куй железо, пока горячо (Пословица).
3. Греков велел соорудить носилки. И в тихий предрассветный час раненого эвакуировали из окруженного дома (В. Гроссман).
4. За что того любить, кто хочет сгубить? (Пословица).
5. Если виноватых нет, их назначают (А. Лебедь).
6. В комнатах всегда, особенно по утрам, пахло как в зверинце, и этого запаха ничем нельзя было заглушить (А.П. Чехов).
7. Пианист то и дело вытирает лоб. Вдохновенный труд, нелегкая работа... (С. Довлатов).
8. Персикову почему-то стало жаль толстяка (М. Булгаков).
9. Целый год я вел себя нелепым образом. Был чем-то недоволен. На что-то жаловался. Кого-то обвинял (С. Довлатов).
10. Штрум хотел ему сказать, что он-то миролюбив, а Соколов раздражен, и это внутренне раздражение и побуждает его спорить по любому поводу. Но он сказал:
– Возможно, Петр Лаврентьевич, дело в моем скверном характере, он день ото дня становится все хуже (В. Гроссман).

21

1. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь (Пословица).
2. Всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской улице (И. Ильф и Е. Петров).
3. Худая честь, коли нечего есть (Пословица).
4. Что наживем, то и проживем (Пословица).
5. – Мне нужно вам кое-что сказать (А.П. Чехов).
6. – И как засвистит над головой, а выстрелов не слышно. Ничего не поймешь (В. Гроссман).
7. Школа... Дружба с Алешей Лаврентьевым, за которым приезжает «форд»... Алеша шалит, мне поручено воспитывать его. Тогда меня возьмут на дачу (С. Довлатов).
8. – Никакой этой самой контрреволюции в моих словах нет. В них здравый смысл и жизненная опытность (М. Булгаков).
9. Свечин сказал:
– Чепыжин объявил, что никаких новых работ ставить не будет. Что же было делать? Да к тому же он ведь сам отказался, а его, наоборот, просили остаться (В. Гроссман).

22

1. Едешь на день – хлеба бери на неделю (Пословица).
2. Не сошлись обычаем – не бывать дружбе (Пословица).
3. Финансовая пропасть – самая глубокая из всех пропастей: в нее можно падать всю жизнь (И. Ильф и Е. Петров).
4. С несправедливостью либо сотрудничают, либо сражаются (А. Камю).

5. Когда возвращались домой, было темно и тихо (А.П. Чехов).
6. Когда глядишь на густую тяжелую воду озер Даца и Барманцак, кажется, что это соль выступила на поверхность земли, а поглядишь на плешины соли, и кажется, не земля, а озерная вода... (В. Гроссман).
7. Нигде никаких следов Шарикова не было (М. Булгаков).
8. – И вот среди разговора взгляды наши встретились, между нами пробежала искра, подобная электрической, и я почувствовал, что влюбился сразу – пламенно и бесповоротно (А.И. Куприн).
9. Ваня был слишком молод, и, по мнению опытных рыбаков, ему следовало бы еще года два побыть простым гребцом да еще год помощником атамана (А.И. Куприн).
10. – Эрик дома, – сказала она, – проходите (С. Довлатов).

23

1. За один раз дерева не срубишь (Пословица).
2. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня (Пословица).
3. И ему страстно, до тоски вдруг захотелось в этот другой мир, чтобы самому работать где-нибудь на заводе или в большой мастерской, говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать... (А.П. Чехов).
4. – Пса в столовой прикармливаете, – раздался женский голос, – а потом его отсюда калачом не выманишь (М. Булгаков).
5. – В ваших глазах всегда страдание, а сегодня его нет (В. Гроссман).
6. Первые рассказы... Они публикуются в детском журнале «Костер». Напоминают худшие вещи средних профессионалов (С. Довлатов).
7. – Что же делать... Мне самому очень неприятно... (М. Булгаков).
8. – Это было на Шипке, зимой, уже после того как меня контузили в голову... Однажды поутру, когда я встал с постели, представилось мне, что я не Яков, а Николай, и никак я не мог себя переуверить в том. Приметив, что у меня делается помрачение ума, закричал, чтобы подали мне воды, помочили голову, и рассудок мой воротился (А.И. Куприн).

24

1. Черного кобеля не отмоешь добела (Пословица).
2. От добра добра не ищут (Пословица).
3. Если свернуть направо, то переулком можно пройти к заводу, где работает мать (В. Гроссман).
4. Доносчику первый кнут (Пословица).
5. Вывески совсем не было. Прямо с тротуара входили в узкую, всегда открытую дверь (А.И. Куприн).
6. Хочешь быть счастливым – будь им! (К. Прутков).
7. Никитину вдруг почему-то стало жаль своего товарища и захотелось сказать ему что-нибудь ласковое, утешительное (А.П. Чехов).
8. Особняк Грейстоун напоминал российскую помещичью усадьбу. Клумба перед главным входом. Два симметричных флигеля по бокам. Тюлевые занавески на окнах (С. Довлатов).

9. Пес извернулся, спружинился и вдруг ударил в дверь здоровым боком так, что хряснуло по всей квартире. Потом отлетел назад, закрутился на месте, как кубарь под кнутом... (М. Булгаков).

10. – А муж ее где? – спросил Крымов.

– Наверное, на свете давно нет – летчик-истребитель (В. Гроссман).

25

1. Бунт – язык тех, кого не выслушали (М.-Л. Кинг).

2. Не рой другому яму, сам в нее попадешь (Пословица).

3. Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит (Пословица).

4. Похоже было на то, что сейчас вот войдет Манюся, обнимет одною рукой за шею и скажет, что подали к крыльцу верховых лошадей или шарабан, и спросит, что ей надеть, чтобы не озябнуть (А.П. Чехов).

5. Ей всегда в глубине души казалось, что можно будет исправить, вернуть прошлое (В. Гроссман).

6. Бесконечные переэкзаменовки... Несчастливая любовь, закончившаяся женитьбой... Знакомство с молодыми ленинградскими поэтами... Наиболее популярный человек той эпохи – Сергей Вольф (С. Довлатов).

7. Странные это были дни – одновременно радостно и тревожно было на душе (В. Гроссман).

8. Нет грани моему упорству. // Ты – в вечности, я – в кратких днях, // Но все ж, как магу, мне потворствуй, // Иль обрати безумца в прах! (В. Брюсов).

26

1. – Помнишь, как тебя дразнили? (А.П. Чехов).

2. Обжегшись на молоке, станешь дуть на воду (Пословица).

3. – Постой-ка. Видишь, впереди движутся фонари? Наверно, мой экипаж (А.И. Куприн).

4. В Тулу со своим самоваром не ездят (Пословица).

5. Мягко стелет, да жестко спать (Пословица).

6. И для того, чтобы переживать чувство, которого он раньше не знал, – счастье, оказалось, не нужно было ни зрения, ни мыслей, ни слов (В. Гроссман).

7. И пока он шел к себе, пока ложился в постель, пока засыпал, он верил, что ему будет легко сдержать свое слово. Но проходила ночь, и его опять неудержимо тянуло в этот чистый, светлый дом... (А. И. Куприн).

8. Вот телефонная будка. Чье-то имя нацарапано гвоздем (С. Довлатов).

9. Я зашел в комнату и обмер. Такого чудовищного беспорядка мне еще видеть не приходилось (С. Довлатов).

27

1. Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них что-нибудь, за что его можно повесить (Ришелье).

2. Солжешь сегодня – не поверят и завтра (Пословица).

3. С поэзией кончено навсегда (С. Довлатов).
4. Плакавши не заплатит, а смехом не задолжать (Пословица).
5. Он говорил о том, как много приходится работать, когда хочешь стать образцовым сельским хозяином (А.П. Чехов).
6. «Сову раздеру опять», – бешено, но бессильно подумал пес. Затем ослаб, полежал, а когда поднялся, шерсть на нем стала вдруг дыбом... (М. Булгаков).
7. Пробравшись обратно в штабной блиндаж, Пивоваров (по дороге его чуть не убило осколком немецкой мины) рассказал автоматчику Глушкову, что в медсанбате нет никаких условий для лечения больного. Кругом груды кровавой марли, бинтов, ваты – страшно подойти... И там не разбирают, кто командир полка, а кто боец, все на полу (В. Гроссман).

28

1. Что написано пером, того не вырубишь топором (Пословица).
2. Что испекли, то и съедим, а завтра поглядим (Пословица).
3. Если бы устроили конкурс лжецов, то победить бы смог только тот, кто говорил бы правду (И. Ильф).
4. – Зимой нужно печи топить, а летом и без печей тепло. Летом откроешь ночью окна и все-таки тепло, а зимой – двойные рамы и все-таки холодно (А.П. Чехов).
5. Ей хотелось сказать ему о своей жалости к Крымову, брошенному ею, ему некому писать свои письма, не к кому стремиться, ему осталась тоска, безнадежная тоска, одиночество (В. Гроссман).
6. В понедельник на работе какая-то странная атмосфера (С. Довлатов).
7. «Ох, ничего доброго у нас, кажется, не выйдет в квартире», – вдруг пророчески подумал Борменталь (М. Булгаков).
8. – Ей-богу, я самый посторонний человек. Просто приехал сюда погостить на несколько месяцев, а там и уеду. Если хочешь, я даже никому не скажу, что был здесь и видел вас (А.И. Куприн).

29

1. Гений – это талант изобретения того, чему нельзя учить или научиться (И. Кант).
2. Выше головы не прыгнешь (Пословица).
3. <...> самую яркую и сильную речь сказал Гуревич.
– Молодчина, – сказал Савостьянов, – он-то сказал нужные слова. Назвал вашу работу классической и сказал, что ее нужно поставить рядом с трудами основателей атомной физики... (В. Гроссман).
4. Актеры не любят, когда их убивают во втором акте четырехтактной пьесы (И. Ильф).
5. Где тонко, там и рвется (Пословица).
6. Кабы знал, где упасть, соломки бы подстелил (Пословица).
7. Если хочешь быть красивым, поступи в гусары (К. Прутков).
8. Кругом безмолвие (А.П. Чехов).

9. Через несколько минут доктор Борменталь <...> рядом с кнопкой звонка наклеил записку: «Сегодня приема по случаю болезни профессора нет. Просьба не беспокоить звонками» (М. Булгаков).

10. Виктор Павлович стал объяснять ей:

– Человек не понимает, что созданные им города не есть естественная часть природы... Стоит зазеваться, отвлечься на год-два, и пропало дело – из лесов пойдут волки, ползет чертополох, города завалит снегом, засыплет пылью (В. Гроссман).

30

1. Имей мужество пользоваться собственным умом (И. Кант).

2. Слезами горю не поможешь (Пословица).

3. Казармы, парки и дворцы, // А на деревьях – клочья ваты...(О. Мандельштам).

4. Где пьют, там и бьют (Пословица).

5. Из такого кривого полена, как человек, ничего прямого не выстругаешь (И. Кант).

6. Сначала ей было стыдно так ездить, но потом она привыкла, и случилось, что в один вечер она объезжала всех знакомых женщин, чтобы отыскать Рябовского, и все понимали это (А.П. Чехов).

7. На душе было спокойно и весело (С. Довлатов).

8. – Бог мой, – сказала Людмила Николаевна. – Во что превратилась лестница. Завтра же пойду в домоуправление и заставлю Василия Ивановича организовать уборку (В. Гроссман).

9. Худо жить тому, у кого ничего нет в доме (Пословица).

10. Я понимал, что из университета меня скоро выгонят. Забеспокоился, когда узнал, что еще не все потеряно (С. Довлатов).

31

1. И везде ее встречали весело и дружелюбно и уверяли ее, что она хорошая, милая, редкая (А. П. Чехов).

2. Мало обладать выдающимися качествами, надо еще уметь ими пользоваться (Ларошфуко).

3. С кем поведешься, от того и наберешься (Пословица).

4. Не для того в гости едут, что дома нечего обедать (Пословица).

5. – Может быть, чай пора пить?

– Конечно, конечно, – сказал Соколов, – давай нам чаю (В. Гроссман).

6. В его манере – ничего от эстрадного шоу: классический смокинг, уверенность, такт. Белый платок на крышке черного рояля (С. Довлатов).

7. – Его терпеть в квартире невозможно. Только и ищет – как бы что своровать (М. Булгаков).

8. Было так тихо, как только бывает в лесу зимой в безветренный день (А.И. Куприн).

9. – Бедняжка! Знала бы, что ее ожидает в жизни (С. Довлатов).

32

1. Здравомыслящему человеку легче подчиняться сумасбродам, чем управлять ими (Ларошфуко).
2. В промежутках между чтением, музыкой и пением говорили и спорили о литературе, театре и живописи (А. П. Чехов).
3. Не учась и лаптя не сплетишь (Пословица).
4. Не бойся собаки, что лает, а бойся той, что молчит да хвостом виляет (Пословица).
5. Мне даже как-то неловко стало (С. Довлатов).
6. Коней на переправе не меняют (А. Линкольн).
7. У кого денег мало, у того ума не бывало (Пословица).
8. – Надменный бык! – говорил Соколову Штрум, когда речь заходила о Шишакове (В. Гроссман).
9. – Никому я не ворожу теперь, касатик... Забыла... Стара стала, глаза не видят (А.И. Куприн).
10. Ночь в затхлом номере дешевой гостиницы он провел плохо, все придумывал, как начать розыски. Адресный стол, редакция русской газеты... Семь лет. Она, должно быть, здорово постарела. Свинство было так долго ждать, мог раньше приехать (В. Набоков).

33

1. Льстят тем, кого боятся (А.С. Макаренко).
2. Попал в стаю, лай не лай, а хвостом вилай (Пословица).
3. Сколько ни жить, обо всем не перетужить (Пословица).
4. Но Никитин думал о том, что хорошо бы взять теперь отпуск и уехать в Москву и остановиться там на Неглинном в знакомых номерах (А.П. Чехов).
5. – Здравствуйте. Меня зовут Эллен. Давно хотела с вами познакомиться (С. Довлатов).
6. Поспешишь – людей насмешишь (Пословица).
7. – Дневник боевых действий ведете? – спросил он.
– У меня бумаги нет, – ответил Греков. – Писать не на чем, да и некогда, да и не к чему (В. Гроссман).
8. <...> над единственным окном соломенная штора, свернутая в трубку; около двери простыня, закрывающая вешалку с платьем (А.И. Куприн).
9. В комнате запахло сургучом и жжеными перьями (А.И. Куприн).
10. Мир – прекрасное место. За него стоит бороться (Э. Хемингуэй).

34

1. Очень умным людям начинают не доверять, если видят их смущение (Ф. Ницше).
2. Учиться дозволено и у врага (Овидий).
3. Шила в мешке не утаишь (Пословица).
4. На раскаленном и точно подернутом серебристой пылью небе не показывалось ни одного облачка (А.И. Куприн).

5. Хорошо тому жить, кому не о чем тужить (Пословица).
6. – Никакой не вижу тут психологии, – вздохнула Варя (А.П. Чехов).
7. Мы беседовали около часа. Я так и не понял, зачем она явилась. На следующий день опять приходит:
 - Вам не кажется, что разум есть осмысленная форма проявления чувства? (С. Довлатов).
8. «Мы живем на берегу озера, в доме тепло, у хозяйки корова, молоко...» (В. Гроссман).
9. С работы меня уволили в начале октября (С. Довлатов).
10. – Ваше превосходительство, не позволите ли довести вас?
 - Нет уж, спасибо, милый мой, – ответил генерал. – Не люблю я этой машины. Только дрожит и воняет, а радости никакой (А.И. Куприн).

35

1. Если ты в здравом уме, не мечтай, что верна тебе будет та, что в объятья твои пала с такой быстротой (Овидий).
2. Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть (Пословица).
3. Не над горстью плачут, а над пригоршней (Пословица).
4. Момент, когда колешься не для того, чтобы тебе стало хорошо, а для того, чтобы не было плохо, наступает очень быстро (Э. Пиаф).
5. К чему нам вдруг понадобилось женить этого Беликова, которого даже и вообразить нельзя было женатым? (А.П. Чехов).
6. С людьми говорил он без крика, без угроз, а слушались его все. Сидит, покуривает, рассказывает, слушает, не отличишь от солдат. А авторитет огромный (В. Гроссман).
7. – Послушай, красавица, – сказал я девушке. – Покажи мне, пожалуйста, дорогу на Ириновский шлях, а то из вашего болота во веки веков не выберешься (А.И. Куприн).
8. Нет ничего такого, чего бы время не поглотило (Ж.-Ж. Руссо).
9. Выяснилось, что у него совсем мало друзей и знакомых (С. Довлатов).

36

1. Если друга верного найти, коротки становятся пути (М, Светлов).
2. За чем пойдешь, то и найдешь (Пословица).
3. На дворе было тихо; деревня по ту сторону пруда уже спала, не было видно ни одного огонька... (А.П. Чехов).
4. Во всем теле у него такое ощущение легкости и свободы, точно он получил неожиданную способность летать (А.И. Куприн).
5. Плакать не смею, тужить не велят (Пословица).
6. Войну хорошо слышать, да тяжело видеть (Пословица).
7. Если бы море было наделено мыслью, то при каждой буре в его водах возникала бы идея и мечта счастья и каждая морская волна, дробясь о скалу, считала, что гибнет ради добра морских вод, ей не приходило бы в голову, что ее подняла сила ветра... (В. Гроссман).
8. – Ну, бабушка, неласковая же ты до гостей.

– И верно, батюшка: совсем неласковая. Разносолов для вас не держим. Устал – посиди, никто тебя из хаты не гонит (А.И. Куприн).

9. Он был на перроне Варшавского вокзала. Вечерело. Только что подали дачный поезд (В. Набоков).

37

1. Чтобы вести людей за собой, иди за ними (Лао-Цзы).

2. Перед смертью не надышишься (Пословица).

3. За одного битого двух небитых дают (Пословица).

4. Это была живая, искренняя, убежденная девушка, и слушать ее было интересно, хотя говорила она много и громко – быть может, оттого, что привыкла говорить в школе (А.П. Чехов).

5. Множество книг написано о том, как бороться со злом, о том, что же зло и что добро (В. Гроссман).

6. Глаза его блестели и были глубоки, как будто наполнены непролитыми слезами (А.И. Куприн).

7. В ногах правды нет (Пословица).

8. Я был так доволен собственной хитростью. Вероятно, напоминал человека, дни которого сочтены. Ему говорят – оденься потеплее. А он-то знает, что смертельно болен. И только усмехается в ответ (С. Довлатов).

9. На душе было тошно. Даже в бар идти не хотелось. Выпьешь как следует, а потом будет еще тоскливее (С. Довлатов).

38

1. На всякий час не обережешься (Пословица).

2. Если достаточно долго сидеть на берегу реки, то увидишь проплывающий по ней труп врага (Китайская пословица).

3. Молчи, мой язык, говорить больше не о чем (Овидий).

4. Меня томило недовольство собой, было жаль своей жизни, которая протекала так быстро и неинтересно, и я все думал о том, как хорошо было бы вырвать из своей груди сердце, которое стало у меня таким тяжелым (А.П. Чехов).

5. Сережа Шапошников указал на лежавшую на кирпиче, возле вещевого мешка книжку и сказал:

– Читала?

– Перечитывала (В. Гроссман).

6. С одного вола две шкуры не дерут (Пословица).

7. О, милые простые люди, мужественные сердца, наивные первобытные души, крепкие тела, обвеянные соленым морским ветром, мозолистые руки, зоркие глаза, которые столько раз глядели в лицо смерти, в самые ее зрачки! (А.И. Куприн).

8. Ваня был слишком молод, и, по мнению опытных рыбаков, ему следовало бы еще года два побыть простым гребцом да еще год помощником атамана (А.И. Куприн).

9. Я принял душ. Однако бодрости у меня не прибавилось (С. Довлатов).

1. Наводить порядок надо тогда, когда еще нет смуты (Лао-Цзы).
2. Упустишь огонь – не потушишь (Пословица).
3. Приходиться вертеться, коли некуда деться (Пословица).
4. И медведя плясать учат (Пословица).
5. – Вставайте, пора на службу, – говорил он (А.П. Чехов).
6. Она подумала, что все в жизни отдаст, лишь бы увидеть Шапошникова живым (В. Гроссман).
7. Помню, художника Бахчаняна критиковали за формализм. Говорили, что форма у него преобладает над содержанием (С. Довлатов).
8. «Полесье... глушь... лоно природы... простые нравы... первобытные натуры, – думал я, сидя в вагоне, – совсем незнакомый мне народ... и уж, конечно, какое множество поэтических легенд, преданий и песен!» (А.И. Куприн).
9. – <...>сегодня видела Щеглову, и она сказала, что из-под Боромянки вернули два немецких полка.
– Чепуха (М. Булгаков).
10. На столе чашки с нежными цветами снаружи и золотые внутри, особенные, в виде фигурных колонок (М. Булгаков).

1. Надо уметь переносить то, чего нельзя избежать (Монтень).
2. Не разгрызешь ореха, так не съешь и ядра (Пословица).
3. Что имеем, не храним, потерявши, плачем (Пословица).
4. Мне не хотелось домой, да и незачем было идти туда (А.П. Чехов).
5. Недостающую глубину мысли обычно компенсируют ее длиной (Монтескье).
6. Они стояли перед ним, переминаясь с ноги на ногу, не замечая, что стоят, держась за руки (В. Гроссман).
7. Поводился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить (Пословица).
8. На лестничной площадке было так темно, что Николай Николаевич должен был два раза зажигать спички, пока не разглядел номера квартиры (А.И. Куприн).
9. Форум заканчивается. Сегодня последний день. Завтра утром все разъедутся по домам. И, как говорится, прощайте, воспоминания! (С. Довлатов).
10. Время шло. Лидера оппозиции не было. Должность оставалась вакантной (С. Довлатов).

1. Мы способны любить только то, без чего не можем обойтись (Ларошфуко).
2. Как постелешь, так и поспишь (Пословица).
3. Столбы зноя над червонными украинскими полями. В пыли идут пылью пудренные юнкерские роты. Было, было все это, и вот не стало.

Позор. Чепуха (М.А. Булгаков).

4. Умные речи приятно слушать (Пословица).

5. Становилось очень холодно (А.П. Чехов).

6. Несколько раз Полякова сшибало с ног, он падал, забыв, на каком он свете, молод он или стар, где верх, где низ (В. Гроссман).

7. Обычно, когда в учреждение приходит новый начальник, о нем с уважением говорят: «Приезжает раньше всех на работу, сидит позже всех». Так говорили о Коваленко (В. Гроссман).

8. Горе что море: ни переплыть, ни вылакать (Пословица).

9. – Нет молока, – отрезала старуха. – Много вас по лесу ходит... Всех не напоишь, не накормишь... (А.И. Куприн).

42

1. Величайший подвиг дружбы не в том, чтобы показать другу наши недостатки, а в том, чтобы открыть ему глаза на его собственные (Ларошфуко).

2. Сердцу не прикажешь (Пословица).

3. Дураков не сеют, не жнут, сами рождаются (Пословица).

4. Не уметь переносить бедность постыдно, не уметь избавиться от нее трудом еще постыднее (Перикл).

5. Ложась спать, он укрывался с головой; было жарко, душно, в закрытые двери стучался ветер, в печке гудело... (А.П. Чехов).

6. – А касаясь оценок Эйнштейна – тут уж можно поспорить, потому что выдавать идеалистическую теорию за высшие достижения науки, мне думается, не следует (В. Гроссман).

7. Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу (Пословица).

8. Настал последний день. Я сказал Тасе – не провожай меня. Надел рюкзак. Спустился вниз по лестнице (С. Довлатов).

9. Для тягостных раздумий просто не оставалось времени и сил (С. Довлатов).

10. У нас столько религий, сколько нам требуется для того, чтобы ненавидеть друг друга (Д. Свифт).

43

1. Способным завидуют, талантливым вредят, гениальным мстят (Н. Паганини).

2. Собирай по ягодке – наберешь кузовок (Пословица).

3. К пустой избе замка не надо (Пословица).

4. – Буду говорить с вами не как отец, а как джентльмен с джентльменом. Скажите, пожалуйста, что вам за охота так рано жениться? (А.П. Чехов).

5. Женя смотрела на них и думала: «А ведь понять себя невозможно... Почему мне так больно за прошлую жизнь, почему мне так жалко Крымова, почему я неотступно думаю о нем?» (В. Гроссман).

6. Кто станет доносить, тому головы не сносить (Пословица).

7. – Всю войну начальство мной недоволено. А тут просидел без дела

под землей, спевал песни, и на тебе – получил благодарность Чуйкова, и, шутка, командование дивизией поручено. Теперь спуску тебе не дам (В. Гроссман).

8. «Я бы никогда не позволил себе преподнести Вам что-либо, выбранное мною лично: для этого у меня нет ни права, ни тонкого вкуса и – признаюсь – ни денег. Впрочем, полагаю, что и на всем свете не найдется сокровища, достойного украсить Вас» (А.И. Куприн).

44

1. Мы браним себя только для того, чтобы нас похвалили (Ларошфуко).

2. Над другом посмеялся, над собою поплачешь (Пословица).

3. Не дразни собаки, и лаять не станет (Пословица).

4. Против воды тяжело плыть (Пословица).

5. – Таких днем с огнем поискать (А.П. Чехов).

6. – Дома-то нашего нет, с землей сровняли, – испуганно сказал Климов попевавшему за ним Полякову. – Неужели всех вас убило, братья мои? (В. Гроссман).

7. «Вот их сто человек в нашей роте... Знаю ли я что-нибудь о них? Нет, ничего, кроме их физиономий... Серые, однообразные лица. Что я сделал, чтобы прикоснуться душой к их душам <...>?» (А.И. Куприн).

8. – Потушите, пожалуйста, свет, голубчик, – попросил Подтягин. – Больно глазам (В. Набоков).

9. – Но кто еще, скажем, в моей лаборатории думает над всем этим? Соколов? Огромный талант, но он робок, преклоняется перед силой государства... Марков? Деловой талант. Решает вопросы науки, как шахматный этюдист (В. Гроссман).

45

1. Нам почти всегда скучно с теми, кому скучно с нами (Ларошфуко).

2. Как ни мойся, белее снегу не будешь (Пословица).

3. Чего нет, того негде взять (Пословица).

4. Лягушке волон не быть, сколько воды ни пить (Пословица).

5. – Интересная семья, – сказал Белокуров. – Пожалуй, сходим к ним как-нибудь (А.П. Чехов).

6. Хорошо из этой тихой полутьмы вдруг выйти на светлую поляну... (В. Гроссман).

7. Сразу же Чепыжин сказал:

– Читал вашу работу. Интересно, очень значительная, значительней чем кажется. Понимаете, интересней, чем мы сейчас можем себе представить (В. Гроссман).

8. Из сумерек тяжело и пушисто пахло черемухой (В. Набоков).

9. Ей не давала покоя кем-то сказанная фраза: «Шапки долой, господа! Перед вами – гений!» (С. Довлатов).

1. Мало суметь уйти – сумей, уйдя, не вернуться (Овидий).
2. Лбом стены не прошибешь (Пословица).
3. Поневоле заяц бежит, когда лететь не на чем (Пословица).
4. Жить нельзя, а умереть не дают (Пословица).
5. – Когда я увидел вашу сестрицу, то у меня помутилось в глазах (А.П. Чехов).
6. – Раз живой, то, значит, порядок, – давясь пылью, кашляя и отхаркивая, сказал он, хотя порядка было не так уж много (В. Гроссман).
7. Вера Николаевна вернулась домой поздно вечером и была рада, что не застала дома ни мужа, ни брата (А.И. Куприн).
8. – Неужели я так неинтересна как человек и некрасива как женщина, чтобы мне всю жизнь киснуть в этой трущобе, в этом гадком местечке, которого нет ни на одной географической карте! (А.И. Куприн).
9. За окном было совсем темно (В. Набоков).
10. Буш улыбнулся и неожиданно заговорил гладкими певучими стихами:
– Входи, полночный гость! Чулан к твоим услугам. Кофейник на плите. В шкафу голландский сыр (С. Довлатов).

1. Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор (Ларошфуко).
2. Натерпишься горя – узнаешь, как жить (Пословица).
3. Милого жаль, а от постылого прочь бы бежал (Пословица).
4. – Вам не угодно знать мое мнение, но, уверяю вас, это вопрос меня живо интересует (А.П. Чехов).
5. – Вы смешной: чуть вас тронешь, вы и завяли. Такая стыдливая мимоза (А.И. Куприн).
6. Два дня пролежал он в дивизионном медсанбате, а затем его перевезли в армейский госпиталь (В. Гроссман).
7. Звоню. Подходит дочь.
– Прости, – слышу, – но у меня гости (С. Довлатов).
8. Слез больше не было, хотя глаза ее еще сверкали злобным, страстным огоньком (А.И. Куприн).
9. О, восемь лет ученья! Сколько в них было нелепого и грустного и отчаянного для мальчишеской души, но сколько было радостного (М.А. Булгаков).
10. Было в ней что-то трогательное, уездное, хотелось думать о фиалочном мыле, о дачном полустанке в березовом лесу (В. Набоков).

1. Трезвое, будничное настроение овладело мной, и мне стало стыдно всего, что я говорил у Волчаниновых, и по-прежнему стало скучно жить (А.П. Чехов).
2. Придет беда – купишь ума (Пословица).

3. Спи, спи, а отдохнуть не дадут (Пословица).
4. – Окурки на пол не бросать – в сотый раз прошу (М. Булгаков).
5. Чем сердиться, лучше помириться (Пословица).
6. Дыркина и телефониста присыпало щебенкой, и не было ясно, целы ли у них кости, пощупать себя они не могли. Железная балка провисла над их головами и мешала им разогнуть спины... (В. Гроссман).
7. Честность умирает, когда продается (Ж. Санд).
8. Я спустился в холл. Крадучись, проследовал мимо лифта. Вышел на улицу. К этому времени начало темнеть. <...> Тогда я зашел в «Подмосковье», спросил чашку кофе.
– Давайте, – говорю, – меню.
– Меню нет (С. Довлатов).

49

1. Можно дать другому разумный совет, но нельзя научить его разумному поведению (Ларошфуко).
2. То не беда, что денег просят, а то беда, что даешь, да не берут (Пословица).
3. На что за тем гоняться, кто не хочет знаясь? (Пословица).
4. – Побудьте со мной еще минутку, – сказал я. – Прошу вас (А.П. Чехов).
5. Дыркин зажег фонарик, и стало действительно страшновато (В. Гроссман).
6. На вопрос о Сашкиной судьбе она медленно качала головой.
– Ничего не знаю... И писем нет, и из газет ничего неизвестно.
Потом медленно снимала очки, клала их вместе с газетой, рядом с теплой, угревшейся Белочкой, и, отвернувшись, тихонько всхлипывала (А.И. Куприн).
7. Мысли в его голове проносились отрывистые и беспокойные, как телеграммы: «Еда... Сигареты... Жилье... Марианна на курорте... Нет работы... К родителям обращаться стыдно, а главное – бессмысленно...» (с. Довлатов).

50

1. Говорить всего труднее как раз тогда, когда стыдно молчать (Ларошфуко).
2. Не видав горя, не узнаешь и радости (Пословица).
3. Хорошо и там, и тут, где по имени зовут (Пословица).
4. – Весь ужас их положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем образе и подобии (А.П. Чехов).
5. – Помогите мне достать билет на пароход до Казани, а то меня, вероятно, погонят на торфоразработки за нарушение паспортного режима (В. Гроссман).
6. – Пришел на кухню и положил вот это на стол. «Передайте, говорит, вашей барыне...» (А.И. Куприн).
7. – За что же с ней так обошлись?

– Вреда от нее много было: ссорилась со всеми, зелье под хаты подливала, закрутки вязала в жите... (А.И. Куприн).

8. Прекрасно то, чего нет (Ж.-Ж. Руссо).

9. День был теплый и солнечный. Пахло горячим автомобилем, баскетбольными кедами и жильем, где спят, не раздеваясь (С. Довлатов).

10. Свернув на бульвар, он пошел быстрее. Площадь. Каменный всадник. Черные облака городского сада (В. Набоков).

51

1. Человек никогда не бывает так несчастлив, как ему кажется, или так счастлив, как ему хочется (Ларошфуко).

2. На званого гостя угодить надо (Пословица).

3. Не пером пишут, умом (Пословица).

4. – Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд... (А.П. Чехов).

5. Слышно было хорошо, и притихшие в землянке люди узнали тугой, низкий голос Чуйкова:

– Березкин? Командир дивизии ранен, заместитель и начальник убиты, приказываю вам принять командование дивизией (В. Гроссман).

6. Штрум негромко спросил Соколова:

– Как устроились, дома тепло? (В. Гроссман).

7. Не вкусив горького, не узнаешь и сладкого (Пословица).

8. Бумагу из военкомата мне доставили первого апреля. Увы, это не было традиционной шуткой (С. Довлатов).

9. Еще раз прошу прощения, что обеспокоил вас длинным, ненужным письмом (А.И. Куприн).

10. В мире нет ничего постоянного, кроме непостоянства (Д. Свифт).

52

1. Нужно много учиться, чтобы немного знать (Монтескье).

2. Реже видишь – больше любишь (Пословица).

3. Кто грамоте горазд, тому не пропасть (Пословица).

4. – Мне даже жалко его стало (А.П. Чехов).

5. – Разрешите доложить, товарищ батальонный комиссар?

– Докладывайте, – кивнул Берман, не глядя на Соломатина (В. Гроссман).

6. Итак, профессор зажег шар и огляделся. Зажег рефлектор на длинном экспериментальном столе, надел белый халат, позвенел какими-то инструментами... (М. Булгаков).

7. Виноватых прощают, а правых жалуют (Пословица).

8. «Милый Ромочка, – писала она, – я бы вовсе не удивилась, если бы узнала, что вы забыли о том, что сегодня день наших общих именин. Так вот, напоминаю вам об этом <...>» (А.И. Куприн).

9. Регина знала, что у самого Левицкого нет этой книги (С. Довлатов).

10. Дело было осенью: ветер, астры в скверах, сплошь белое небо,

желтые трамваи, трубный рев простуженных таксомоторов. Его несколько знобило от волнения, от мысли, что вот он в том же городе, как и она (В. Набоков).

53

1. Не слушался отца, послушаешься кнута (Пословица).
2. Тому тяжело, кто помнит зло (Пословица).
3. – Мама знает, что ты в Калифорнии?
– Догадывается... (С. Довлатов).
4. – Если не спорят, нет настоящей дружбы (В. Гроссман).
5. Нечего хлебать, так дай хоть ложку полизать (Пословица).
6. Легко быть благодетелем, когда имеешь две тысячи десятин (А.П. Чехов).
7. Казалось, еще один бомбовый толчок, и не станет узкой щели, не станет людей – железо и камень сомкнутся (В. Гроссман).
8. Я ощущал какую-то странную зыбкость происходящего. Как будто сидел в переполненном зале. Точнее, был в зале и на сцене одновременно. Боюсь, что мне этого не выразить (С. Довлатов).
9. Счастье не в том, чтобы делать всегда, что хочешь, а в том, чтобы всегда хотеть того, что делаешь (Л.Н. Толстой).
10. «Сейчас похвалит», – думает Ромашов, и душа его полна праздничным сиянием (А.И. Куприн).

54

1. Проголодаешься – так хлеба достать догадаешься (Пословица).
2. С богатым не тягайся, с сильным не борись (Пословица).
3. – Ведь ей уже двадцать четвертый год, пора о себе серьезно подумать. Этак за книжками и аптечками и не увидишь, как жизнь пройдет... (А.П. Чехов).
4. Чтобы объяснить это новое противоречие, пришлось бы сделать еще одно произвольное допущение, опять подпираться теорией спичками и щепочками.
– Мура, – сказал себе Штрум. Он понял, что шел неправильным путем (В. Гроссман).
5. Чего нет, того и хочется (Пословица).
6. Признаюсь, в то время, когда мне предложили ехать в деревню, я вовсе не думал так нестерпимо скучать (А.И. Куприн).
7. Порылся в записной книжке. Звоню. Эта самая Нелли мне отвечает:
– А, это ты?! Я думала, забыл меня совсем
– Можно, – спрашиваю, – зайти? (С. Довлатов).

55

1. Коня в рати узнаешь, а друга – в беде (Пословица).
2. В лихости и зависти нет ни проку, ни радости (Пословица).
3. Тебя звали обедать, а ты пришел объедать (Пословица).
4. – О, ради такой девушки можно не только стать земцем, но даже

истаскать, как в сказке, железные башмаки (А.П. Чехов).

5. – Чем тебе тут плохо? Кормят на совесть, сидишь в тепле. Еще успеют тебя там убить (В. Гроссман).

6. – Куда же деть щенка?

– Оставим в гостинице. Видишь, какой он послушный и умный... Только он будет скучать.

– Если он такой умный, – говорю, – и ему нечего делать, пусть выстирает мои брюки (С. Довлатов).

7. Я не мог разобрать: был ли ее отказ и темные намеки на судьбу наигранным приемом гадалки, или она действительно сама верила в то, о чем говорила, но мне стало как-то не по себе, почти жутко (А.И. Куприн).

8. Говорить было трудно. Воздуху не хватало (М.А. Булгаков).

9. В глазах Елены тоска, и пряди, подернутые рыжеватым огнем, уныло обвисли (М. Булгаков).

56

1. Друга на деньги не купишь (Пословица).

2. Овце с волками худо жить (Пословица).

3. – Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки (А.П. Чехов).

4. Штрум, не заходя из института домой, отправился за своим новым знакомым Каримовым, чтобы вместе с ним пойти к Соколову (В. Гроссман).

5. Но, вопреки Сашкиному сомнению, он <...> не был даже ни разу ранен, хотя участвовал в трех больших битвах и однажды ходил в атаку впереди батальона в составе музыкантской команды, куда его зачислили играть на флейте (А.И. Куприн).

6. Конец июня на севере России уже пахнет слегка осенью. Мелкий желтый лист нет-нет да и слетит с березы; в просторах скошенных полей уже пусто и светло по-осеннему (В. Набоков).

7. Не можете помешать тому, чтобы вас проглотили, – постарайтесь хотя бы, чтобы вас не могли переварить (Ж.-Ж. Руссо).

8. Хотел ей сообщить про щенка, но раздумал. Зачем предвосхищать события? (С. Довлатов).

9. Я взглянул на часы – половина одиннадцатого. Кинотеатры закрыты. Денег практически нет (С. Довлатов).

10. У женщин просто удивительная интуиция. Они замечают все, кроме очевидных вещей (О. Уайльд).

57

1. Что припасешь, то и на стол понесешь (Пословица).

2. У кого нет голоса, тот и петь охоч (Пословица).

3. – Мне нужно домой возвращаться, я только разведать туннель должен был, чтобы раненых вынести (В. Гроссман).

4. Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе (К. Прутков).

5. – Вполне разделяю ваше мнение. Мы с вами единомышленники, и мне было бы очень приятно поговорить с вами (А.П. Чехов).

6. – Мне почему-то жалко этого несчастного, – нерешительно сказала Вера (А.И. Куприн).

7. Я поднялся в свой номер. Снял туфли. Подошел к зеркалу. Узкий лоб неандертальца, тусклые глаза, безвольный подбородок (С. Довлатов).

8. У Подтягина сегодня опять ничего не вышло. Старику действительно не везло. Французы разрешили приехать, а немцы почему-то не выпускали (В. Набоков).

9. Малышев весело оглядел ряды, отнял руку от козырька и заговорил: – Артиллеристы! Слов тратить не буду, говорить не умею, потому что на митингах не выступал, и потому скажу кратко (М.А. Булгаков).

58

1. Художник – это человек, который пишет то, что можно продать. А хороший художник – это человек, который продает то, что пишет (П. Пикассо).

2. Многого захочешь – пораньше с постели вскочишь (Пословица).

3. Съесть не смогу, а покинуть жаль (Пословица).

4. – Меня не заподозрить в любви к большевикам (В. Гроссман).

5. Училище. Облупленные александровские колонны, пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются. Пулеметы в окнах (М.А. Булгаков).

6. – Нет уж, простите, – возразил Магид. – Что Сталинград? Геройство, стойкость, упорство – не спорю, да и смешно спорить! Но я не был в Сталинграде, а имею нахальство считать, что войну видел (В. Гроссман).

7. – Подобные милые вещи говорят обыкновенно, когда хотят оправдать свое равнодушие, – сказала Лида (А.П. Чехов).

8. Когда мы подъехали, стемнело (С. Довлатов).

9. – Не будет сегодня приема, профессор нездоров (М. Булгаков).

Задание 2. Перепишите текст¹, расставляя недостающие знаки препинания. Объясните постановку всех знаков препинания.

Образец разбора:

Мушка была маленькая облезлая собачонка с мохнатой мордой.

1

2

3

Никитина она ненавидела; увидев его, она всякий раз склоняла голову набок,

4

скалила зубы и начинала лаять. Потом садилась под стул, а хозяева

5

говорили:

6

– Не бойтесь, она не кусается (По А. Чехову).

1 – точка с запятой ставится между простыми предложениями в составе сложного, поскольку второе предложение является осложненным;

¹ Варианты текстов к заданиям 2-4 см. ниже.

3) несогл.о. сост.им. доп.
когда человек в машине ПОЛОН тревог и забот, - двусост., полн.

4) несогл.о. об.обр.д. пр.гл. косв. д. косв. д. согл.о.
а глаза его рассеянно следят за нарастанием и таянием невысоких

несогл.о. об.обр.д. согл.о. об.места
холмов, медлительно выплывающих из-за горизонта. - двусост., полн.

Варианты текстов к заданиям 2-4

1

Еще с раннего утра все небо обложили дождевые тучи было тихо не жарко и скучно как бывает в серые пасмурные дни когда над полем давно уже нависли тучи ждешь дождя а его нет. Ветеринарный врач Иван Иваныч и учитель гимназии Буркин уже утомились идти и поле представлялось им бесконечным.

– В прошлый раз сказал Буркин вы собирались рассказать какую-то историю.

Иван Иваныч протяжно вздохнул и закурил трубочку чтобы начать рассказывать но как раз в это время пошел дождь. И минут через пять лил уже сильный обложной и трудно было предвидеть когда он кончится.

– Нам нужно укрыться куда-нибудь сказал Буркин. Пойдемте к Алехину тут близко.

Они свернули в сторону и шли по скошенному полю то прямо то забирая направо пока не вышли на дорогу. Вскоре заблестела река и открылся вид на широкий плес с мельницей и белою купальней. Это было Софьино где жил Алехин. Мельница работала заглушая шум дождя. Было сыро грязно неуютно и вид у плеса был холодный злой. Иван Иваныч и Буркин испытывали уже чувство мокроты нечистоты неудобства во всем теле ноги отяжелели от грязи и когда пройдя плотину они поднимались к господским амбарам то молчали точно сердились друг на друга. В одном из амбаров шумела веялка дверь была открыта и из нее валила пыль. На пороге стоял сам Алехин мужчина лет сорока высокий полный с длинными волосами похожий больше на профессора или художника чем на помещика.

– Вы не можете себе представить как я рад видеть вас господа говорил Алехин входя за ними в переднюю Вот не ожидал! Пелагея обратился он к горничной дайте гостям переодеться во что-нибудь. Да кстати и я переоденусь. Только надо сначала пойти помыться а то я кажется с весны не мылся. Не хотите ли господа пойти в купальню а тут пока приготовят. Купальня у меня как видите хорошая отец еще строил но мыться как-то все некогда (По А. Чехову).

– Нас два брата, – начал он – я, Иван Иванович, и другой – Николай Иванович года на два помоложе. Я стал ветеринаром а Николай уже с девятнадцати лет сидел в казенной палате. После смерти отца именъишко у нас оттяпали за долги но как бы ни было детство мы провели в деревне на воле. А знаете кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов что в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней тот уже не городской житель и его до самой смерти будет потягивать на волю. Мой брат тосковал в казенной палате. **И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определенное желание в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера.** Он был добрый кроткий человек я любил его но этому желанию запереть себя на всю жизнь в собственную усадьбу никогда не сочувствовал. Принято говорить что человеку нужно только три аршина земли. И говорят даже теперь что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы от житейского шума уходить и прятаться у себя в усадьбе это не жизнь это эгоизм лень это своего рода монашество но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли не усадьба а весь земной шар.

Брат сидя у себя в канцелярии мечтал о том как будет есть свои собственные щи от которых идет вкусный запах по всему двору есть на зеленой травке спать на солнышке сидеть по целым часам за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес. «Деревенская жизнь имеет свои удобства говорил он бывало. Сидишь на балконе чай а на пруде твои удочки плавают пахнет так хорошо и крыжовник растет». Жил он скупко: недоедал недопивал все копил и клал в банк. Страшно жадничал. Мне было больно глядеть на него. Уж коли задался человек идеей то ничего не поделаешь (По А. Чехову).

3

– Годы шли, перевели его в другую губернию минуло ему уж сорок лет а он все копил. Потом, слышу женился. Все с тою же целью чтобы купить себе усадьбу с крыжовником женился на старой некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому что у нее водились деньжонки. **Он и с ней жил тоже скупко держал ее впроголодь а деньги ее положил в банк на свое имя.** Раньше она была за почтмейстером и привыкла у него к пирогам и наливкам а у второго мужа и хлеба черного не видала вдоволь; стала она чахнуть от такой жизни да года через три взяла и отдала богу душу. И конечно брат мой ни одной минуты не подумал что виноват в ее смерти. Деньги как водка делают человека чудачком. Помню у нас в городе умирал купец. Перед смертью приказал подать себе тарелку меду и съел все свои деньги и выигрышные билеты вместе с медом чтобы никому не досталось. Как-то на вокзале один барышник попал под локомотив и ему отрезало ногу. Несем его в приемный покой кровь льет – страшное дело, а он все просит чтобы ногу его отыскали и все беспокоится: в сапоге на отрезанной ноге двадцать рублей, как бы не пропали.

– Это вы уже из другой оперы сказал Буркин.

– После смерти жены продолжал Иван Иванович подумав полминуты, брат мой стал высматривать себе имение. Конечно хоть пять лет высматривай но все же в конце концов ошибешься и купишь совсем не то о чем мечтал. Купил он сто двенадцать десятин с барским домом с людской с парком но ни фруктового сада ни крыжовника ни прудов с уточками; была река но вода в ней цветом как кофе потому что по одну сторону имения кирпичный завод а по другую костопальный. Но мой Николай Иванович мало печалился; он выписал себе двадцать кустов крыжовника посадил и зажил помещиком. В прошлом году я поехал к нему проведать. Поеду думаю посмотрю как и что там (По А. Чехову).

4

Приехал я после полудня. Было жарко. Везде канавы заборы изгороди понасажены рядами елки и не знаешь как проехать во двор куда поставить лошадь. Иду к дому а навстречу мне рыжая собака толстая похожая на свинью. Хочется ей лаять да лень. Вышла из кухни и кухарка толстая тоже похожая на свинью. Сказала что барин отдыхает после обеда. Вхожу к брату он сидит в постели колени покрыты одеялом; постарел располнел обрюзг; щеки нос и губы тянутся вперед того и гляди хрюкнет в одеяло.

Мы обнялись и всплакнули от радости и от грустной мысли что когда-то были молоды а теперь оба седые и умирать пора. Он оделся и повел меня показывать свое имение.

– Ну, как тут поживаешь? – спросил я.

– Да ничего, слава богу, живу хорошо.

Это уже был не прежний робкий бедняга чиновник а настоящий помещик барин. Он уже обжился тут привык и вошел во вкус. Кушал много полнел уже судился с обществом и с обоими заводами и очень обижался когда мужики не называли его «ваше высокоблагородие». И о душе своей заботился солидно по-барски и добрые дела творил не просто а с важностью. А какие добрые дела? Лечил мужиков от всех болезней содой и касторкой и в день своих именин служил среди деревни благодарственный молебен а потом ставил полведра; думал что так нужно. Ах, эти ужасные полведра! **Сегодня толстый помещик тащит мужиков к земскому начальнику за потраву а завтра в торжественный день ставит им полведра** а они пьют и кричат «ура» и пьяные кланяются ему в ноги. Перемена жизни к лучшему сытость праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое. Николай Иванович который когда-то в казенной палате боялся даже для себя лично иметь собственные взгляды теперь говорил одни только истины, и таким тоном точно министр.

– Я знаю народ и умею с ним обращаться говорил он меня народ любит. Стоит мне только пальцем шевельнуть и для меня народ сделает все что захочу (По А. Чехову).

5

Я видел счастливого человека заветная мечта которого осуществилась

так очевидно который получил то что хотел который был доволен своею судьбой самим собой. Мной овладело тяжелое чувство близкое к отчаянию. Особенно тяжело было ночью. Мне постлали постель в комнате рядом со спальней брата и мне было слышно как он не спал и как вставал и подходил к тарелке с крыжовником и брал по яголке. Я соображал: как в сущности много довольных счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Взгляните на эту жизнь наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота вырождение пьянство лицемерие вранье. Между тем во всех домах и на улицах тишина спокойствие; ни одного, который бы вскрикнул громко возмутился. Мы видим тех которые ходят на рынок за провизией днем едят ночью спят; но мы не видим и не слышим тех которые страдают и то что страшно в жизни происходит где-то за кулисами. Все тихо спокойно и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания. Очевидно счастливый чувствует себя хорошо только потому что несчастные несут свое бремя молча и без этого молчания счастье было бы невозможно.

– В ту ночь мне стало понятно как я тоже был доволен и счастлив продолжал Иван Иваныч вставая. Тоже поучал как жить как веровать как управлять народом. Свобода есть благо говорил я без нее нельзя как без воздуха но надо подождать. Мне говорят что не все сразу. Но кто это говорит? И во имя чего ждать? Ждать когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!

Он вдруг подошел к Алехину и стал пожимать ему то одну руку то другую.

– Павел Константиныч! Не успокаивайтесь не давайте усыплять себя! Пока молоды сильны бодры не уставайте делать добро. Счастья нет и не должно его быть (По А. Чехову).

6

Послышался стук лошадиных копыт о бревенчатый пол; вывели из конюшни сначала вороного Графа Нулина потом белого Великана потом сестру его Майку. Все это были превосходные и дорогие лошади. Выехали за город и побежали рысью по большой дороге. Здесь уже не пахло акацией и сиренью не слышно было музыки. Куда ни взглянешь везде зелено только кое-где чернеют бахчи да далеко влево белеет полоса отцветающих яблонь.

– У Полянского очень хорошая лошадь не спорю говорила Манюся Никитину. Но она бракованная. Совсем уж некстати это белое пятно на левой ноге и поглядите головой закидывает. Теперь уж ее ничем не отучишь так и будет закидывать пока не издохнет.

Манюся была такой же страстной лошадицей как и ее отец. Она страдала когда видела у кого-нибудь хорошую лошадь и была рада когда находила недостатки у чужих лошадей. Никитин же ничего не понимал в лошадях для него было решительно все равно держать ли лошадь на поводьях или на мундштуке, скакать ли рысью или галопом; он только

чувствовал что поза у него была неестественная напряженная и что поэтому офицеры которые умеют держаться на седле должны нравиться Манюсе больше чем он. И он ревновал ее к офицерам. Когда ехали мимо загородного сада кто-то предложил заехать и выпить воды. Заехали. **К ним стали подходить знакомые гулявшие в саду. Подошел военный доктор в высоких сапогах.** Должно быть он принял Никитина за студента потому что спросил:

– Изволили на каникулы приехать?

– Нет, я здесь постоянно живу ответил Никитин. Служу преподавателем в гимназии.

– Неужели? – удивился доктор. Так молоды и уже учительствуете?

– Где же молод? Мне двадцать шесть лет...

Никитину чрезвычайно не нравилось когда кто-нибудь заводил речь о его молодости. И он дорого дал бы за то чтобы постареть теперь лет на десять (По А. Чехову).

7

Девять лет тому назад... Лето, усадьба, тиф... Удивительно приятно выздоравливать после тифа. Лежишь словно на волне воздуха. Постель слева отгорожена от двери камышовой ширмой. За ширмой – дверь ведущая на лестницу а подальше у той же стены блестящая белая печка и старинный умывальник с баком с клювастым краном: нажмешь ногой на медную педаль и из крана прыщит тонкий фонтанчик. Обои белые в голубоватых розах. В полубреду бывало из этих роз лепишь профиль за профилем или странствуешь глазами вверх и вниз стараясь не задеть по пути ни одного цветка ни одного листика находишь лазейки в узоре, проскакиваешь, возвращаешься вспять попав в тупик и сызнава начинаешь бродить по светлому лабиринту. День-деньской кровать скользит в жаркое ветреное небо и когда привстаешь то видишь верхушки лип круто прохваченные желтым солнцем телефонные проволоки на которые садятся стрижи и часть деревянного навеса над мягкой красной дорогой перед парадным крыльцом. Лежишь плывешь и думаешь что скоро встанешь; и в солнечной луже играют мухи и **цветной моток шелка как живой спрыгивает с колен матери сидящей подле мягко катится по янтарному паркету.**

В этой комнате где в шестнадцать лет выздоравливал Ганин и зародилось то счастье тот женский образ который, спустя месяц, он встретил наяву. Это было просто юношеское предчувствие сладкие туманы но Ганину теперь казалось что никогда такого рода предчувствие не оправдывалось так совершенно. И целый день он переходил из садика в садик, из кафе в кафе и его воспоминанье непрерывно летело вперед как апрельские облака по нежному берлинскому небу. А на улице он в рассеянье толкал встречных и раз быстрый автомобиль затормозил и выругался потому что едва его не задел. Он постепенно воскрешал этот мир, в угоду женщине которую еще не смел в него поместить (По В. Набокову).

Поздно ночью генерал Крылов прилег в своем блиндаже на койку. В висках ломило покалывало в горле от десятков выкуренных папирос. Дремота смешала в памяти Крылова севастопольские и одесские бои, крик штурмующей румынской пехоты. Ему померещилось что он вновь на командном пункте в Севастополе. Во сне продолжалась власть войны. Вдруг он услышал многоголосый рев, плеск, взорвалась глубинная бомба сбросила его с койки. Крылов открыл глаза кругом был огонь мимо распахнутой двери блиндажа бежал к Волге поток пламени.

– Шинелью, шинелью голову закрой закричал Крылову незнакомый красноармеец протягивая шинель.

Но Крылов отстраняя красноармейца закричал:

– Где командующий?

Вдруг понял немцы подожгли нефтебаки и горящая нефть хлынула к Волге. Казалось что не было уже возможности выбраться живым из этого текучего огня. Земля глина камень пропитываясь нефтью начинали дымить. Жутко было смотреть на струящуюся, жирную и черную твердь.

Удивительно что в эти минуты уже многие бойцы знали как можно пробраться к берегу. Они кричали «Сюда, сюда беги, вот по этой тропке!»; некоторые успели два-три раза подняться к пылавшим блиндажам помогали штабным добираться до выступа на берегу где в огненной развилке стояла кучка спасшихся. Эти люди на руках вынесли из огня генерала Крылова которого уже считали погибшим и поморгав обгоревшими ресницами вновь продирались к блиндажам.

Начальник инженерной службы генерал Ткаченко сказал Крылову:

– Счастье что сильного ветра нет а то попало бы нас всех.

Крылов оглянулся на стоящего рядом Чуйкова лицо которого испачканное копотью казалось раскаленным медным. Крылову подумалось что командарм напряженно решает те же вопросы что тревожили его начнут ли немцы ночью большое наступление? Где разместить штаб если придется дожить до утра? (По В. Гроссману).

Еременко разрешил заместителю начальника штаба слетать на два дня в Саратов, внял просьбе генерала Труфанова командовавшего одной из степных армий и обещал ему побомбить мощный артиллерийский узел румын: «Ладно дам тебе дальнобойных самолетов». В штабе гадали чем вызвано хорошее настроение командующего.

После завтрака генерал-полковник надел ватник и отправился на прогулку. Шагах в десяти от него шел адъютант Пархоменко. Еременко подошел к бойцам трудового батальона рывшим котлован. Это были пожилые люди с темно-коричневыми от загара затылками. Лица их были невеселы. **Работали они молча и сердито поглядывали на полнотелого человека в зеленой фуражке в бездействии стоявшего на краю котлована.** Еременко спросил:

– Скажите-ка ребята кто из вас хуже всех работает?

Бойцам вопрос показался подходящим им надоело махать лопатами. Бойцы все вместе покосились на мужика вывернувшего карман и ссыпавшего на ладонь махорочную труху и хлебные крошки.

– Да пожалуй он, сказали двое и оглянулись на остальных.

– Так, серьезно произнес Еременко. Значит этот. Вот самый лядачий.

Потом Еременко спросил:

– А кто же из вас лучше всех работает?

И все показали на седого человека; поредевшие волосы не предохраняли его голову от загара как не предохраняет землю от солнечных лучей чахлая трава.

– Трошников, вот он, сказал один. Старается очень.

– Привык работать ничего с собой поделать не может подтвердили остальные как бы извиняясь за Трошникова.

Еременко полез в карман брюк извлек сверкнувшие на солнце золотые часы и с трудом нагнувшись протянул их Трошникову. Тот не поняв глядел на Еременко.

– Бери, это тебе награда, сказал Еременко. Пархоменко оформи награждение грамотой.

Он пошел дальше слыша как за спиной загудело от возбужденных голосов землекопы охали смеялись невиданной удаче привычного к работе Трошникова (По В. Гроссману).

10

После пожара нефтехранилищ генерал-полковник Еременко собрался к Чуйкову в Сталинград. Эта опасная поездка не имела никакого практического смысла. Однако душевная, человеческая необходимость в ней была велика. **Утром Еременко сообщил Захарову о своем решении отправиться в Сталинград и велел ему принять на себя командование.** Под утро Еременко переправился на правый берег. Чуйков которого предупредили по телефону стоял у воды, следил за стремительным ходом катера. Еременко медленно сошел прогибая свой тяжестью выброшенный на берег трап неловко ступая по каменистому берегу подошел к Чуйкову.

– Здравствуй товарищ Чуйков сказал Еременко. Приехал посмотреть как вы тут живете. Вроде ты не обгорел при нефтяном пожаре. Такой же лохматый. И не похудел даже. Кормим тебя все же неплохо.

– Где же худеть, сижу день и ночь в блиндаже, – и так как ему показались обидными слова командующего что кормят его неплохо он сказал: Что же это я гостя принимаю на берегу!

И действительно Еременко рассердился что Чуйков назвал его сталинградским гостем. И когда Чуйков сказал: «Пожалуйста ко мне в хату», Еременко ответил: «Мне и тут хорошо, на свежем воздухе».

Берег был освещен пожарами и ракетами вспышками взрывов и казался пустынным. Свет то мерк то разгорался, секундами он вспыхивал с ослепительной белой силой. Еременко стал спрашивать хозяина всей этой

огненной беды о маневрировании резервами о взаимодействии пехоты и артиллерии и о сосредоточении немцев в районе заводов. Он задавал вопросы и Чуйков отвечал как и полагается отвечать на вопросы старшего начальника. Они помолчали. Чуйкову хотелось спросить «Величайшая в истории оборона, но как же с наступлением все-таки?» Но он не решился спрашивать, Еременко подумает что не хватает у защитников Сталинграда терпения просят снять тяжесть с плеч (По В. Гроссману).

11

Октябрьским утром майор Березкин проснулся подумал о жене и дочери, о крупнокалиберных пулеметах прислушался к ставшему за месяц его сталинградской жизни привычному грохоту позвал автоматчика Глушкова и велел принести себе помыться.

– Холодная как приказали сказал Глушков улыбаясь и переживая удовольствие которое испытывал Березкин от утреннего умывания.

– А на Урале где жена и дочка уже снежок наверное выпал сказал Березкин не пишут они мне понимаешь.

– Напишут товарищ майор сказал Глушков.

Пока Березкин вытирался надевал гимнастерку Глушков рассказывал ему о событиях произошедших в утренние часы.

– По пищеблоку ударили, кладовщика убило; во втором батальоне помначштаба вышел оправиться, его в плечо осколком подранило; в саперном батальоне бойцы судака глушеного бомбой выловили, кило на пять, я ходил смотреть. Заходил товарищ комиссар велел когда проснетесь позвонить.

– Понятно, сказал Березкин. Он выпил чашку чаю поел студня из телячьих ножек позвонил комиссару и начальнику штаба, сказал что отправляется в батальоны надел ватник и пошел к двери. **Глушков пощупал гранату на боку похлопал себя по карману – на месте ли кисет – и взяв в углу автомат пошел за командиром полка.**

Березкин вышел из полутемного блиндажа и зажмурился от белого света. Потом внимательно оглядел свои триста метров земли, оборону полка, – она проходила среди домиков рабочего поселка. Левее ближе к Волге возвышались заводские трубы. Меж заводских цехов поднимался дым мелькало пламя и ясный воздух был полон то тягучим шелестом то сухим дробным тархтением. Казалось что заводы работают полным ходом (По В. Гроссману).

12

Эта проходка по пустынной тропинке была ужасным, смертным делом немцы наблюдали за тропинкой с особым интересом, садили не жалея припасов по всякому. На одном из поворотов Березкин примерив глазом лукаво задумавшееся пространство проговорил:

– Давай Глушков беги первый.

– Что вы, разве можно, тут снайпер у них, сказал Глушков. Перебегать

первым опасное место считалось привилегией начальников немцы обычно не успевали открыть огонь по первому бегущему. Березкин оглянулся на немецкие дома подмигнул Глушкову и побежал. Когда подбежал к насыпи закрывавшей обзор из немецких домов за спиной его четко чокнуло, щелкнуло – немец стрельнул разрывной пулей. Березкин стоя под насыпью стал закуривать. Глушков побежал длинным, быстрым шагом. Очередь резанула ему под ноги, показалось что с земли взлетела стайка воробьев. Глушков метнулся в сторону споткнулся упал, вновь вскочил и подбежал к Березкину.

– Чуть не срезал, сказал он и отдышавшись объяснил Я думал подгадать, он вас пропустил и с досады сигарету закуривать станет а он, холера, видно некурящий.

Когда они подошли к командному пункту батальона Березкин спросил:

– Подранило товарищ Глушков?

– Совсем раздел, подлец, сказал Глушков пощупав обкромсанную полу ватника.

Командный пункт находился в подвале магазина «Гастроном» и в сыром воздухе пахло квашеной капустой и яблоками. Над дверью был прибит плакат: «Продавец и покупатель будьте взаимно вежливы». Оба комбата Подчуфаров и Мовшович сидели за столом и завтракали. При появлении Березкина они поднялись вытянулись.

– Садитесь товарищи продолжайте. А где же судак ваш на пять килограмм, о нем уж в дивизии все знают.

Повар прямодушно сказал:

– Товарищ капитан велел пофаршировать: перец, лавровый лист есть а вот хлеба белого нет и хрену не будет (По В. Гроссману).

13

Весь окоп шумел возбужденный переключкой трещал винтовочными выстрелами, короткими очередями автоматов и пулеметов.

– Комадир роты убит, политрук Сошкин командует сказал Подчуфаров. Вот его блиндаж.

– Ясно, сказал Березкин заглянув в полуоткрытую дверь блиндажа.

Они прошли по окопу к местному ротному изобретению противотанковое ружье было закреплено сошниками на тележном колесе.

– Своя ротная зенитка, сказал сержант с пыльной щетиной и беспокойными глазами.

– А у Дыркина один боец, сказал Березкин, к противотанковому ружью снайперский прицел приспособил и за день три пулемета сшиб.

Сержант пожал плечами:

– Дыркину хорошо, в цехах сидит.

Они пошли дальше по окопу и Березкин продолжая разговор возникший в самом начале обхода сказал:

– Посылочку я им собрал, очень хорошую. И вот, понимаете не пишет жена. Нет ответа и нет. Даже не знаю дошла ли посылка до них. А может

быть заболели? Долго ли в эвакуации до беды?

– Напишут товарищ майор сказал Подчуфаров. **Через полчаса они вернулись на командный пункт батальона но Березкин не стал заходить в подвал а простился с Подчуфаровым на дворе.**

– Оказывайте дому шесть дробь один всю возможную поддержку сказал он. Попыток пройти к ним не делайте это сделаем ночью силами полка. Теперь так... Не нравится мне ваше отношение к раненым. У вас на КП диваны а раненые на полу. За свежим хлебом не прислали, люди едят сухари. У командира первой роты две пары часов на руке.

И Подчуфаров слушал удивляясь как это командир полка прошелся по обороне и все заметил. Березкин сказал назидательно:

– Наступать немец будет. Ясно? (По В. Гроссману).

14

Командир дивизии запросил командира полка майора Березкина о положении в доме «шесть дробь один»: не лучше ли отвести оттуда людей? Березкин посоветовал командиру дивизии не выводить людей хотя дому и грозило окружение. В доме находятся наблюдательные пункты заволжской артиллерии передающие важные данные о противнике. В доме находится саперное подразделение которое может парализовать движение немцев на танкоопасных направлениях. Немцы вряд ли начнут общее наступление прежде чем не ликвидируют этот очаг сопротивления, их правило хорошо известно, а при некоторой поддержке дом сумеет продержаться долго и тем расстроить немецкую программу. Хорошо бы подкинуть туда радиста с передатчиком. Командир дивизии согласился с Березкиным. **Ночью политрук Сошкин с группой красноармейцев сумел пройти в дом, передать защитникам его несколько ящиков патронов и ручных гранат.** Вернувшись под утро политрук рассказал что командир отряда отказался написать отчетное донесение, сказал:

– Бумажной ерундой мне некогда заниматься.

– Вообще у них там ничего не поймешь сказал Сошкин, все этого Грекова боятся, а он с ними как ровня, лежат вповалку и он среди них, «ты» ему говорят и зовут «Ваня». Извините товарищ командир полка не воинское подразделение а какая-то Парижская коммуна.

Березкин покачивая головой спросил:

– Отчет отказался писать? Это – мужичок!

Потом комиссар полка Пивоваров произнес речь о партизанах-командирах. Березкин примирительно сказал:

– Что ж, партизанщина? Инициатива, самостоятельность. Сам иногда мечтаю попал бы в окружение и отдохнул бы от всей этой бумажной волокиты...

В дивизии серьезно отнеслись к рапорту Сошкина. Командир дивизии велел Пивоварову получить подробные сведения о положении в доме «шесть дробь один» и вправить Грекову мозги (По В. Гроссману).

Крымов зашел под низкий свод и чувствуя на себе взгляды штабных представился полковому комиссару в солдатском ватнике сидевшему на консервном ящике.

– А, очень приятно доклад послушать, дело хорошее сказал полковой комиссар.

– У меня кроме того есть поручение от начальника политуправления сказал Крымов, разобраться дело между командиром стрелкового полка и комиссаром.

– Было у нас такое дело ответил комиссар. Вчера его разобрали: на командный пункт полка попала бомба, убито восемнадцать человек в том числе командир полка и комиссар.

Как человек умеющий управлять своим и чужим настроением а не подчиняться настроению он резко изменив тон веселым голосом сказал:

– Когда дивизия наша под Котлубанью стояла пришлось мне везти к фронту на своей машине московского докладчика, Павла Федоровича Юдина. Генерал мне сказал: «Волос потеряет голову тебе снесу». Намаялся я с ним. Чуть самолет – сразу в кювет пикировали. Берёг. Неохота голову терять. Но и товарищ Юдин берётся, проявлял инициативу...

Люди прислушивающиеся к их разговору посмеивались и Крымов вновь ощутил раздражавший его тон снисходительной насмешливости. Обычно у Крымова складывались хорошие отношения со строевыми командирами, вполне сносные со штабными, а раздраженные и не всегда искренние со своим же братом политическими работниками. Вот и сейчас комиссар дивизии раздражал его: без году неделя на фронте а представляется ветераном наверное и в партию перед войной вступил. Но видимо и Крымов чем-то раздражал комиссара дивизии. Это ощущение не оставило Крымова и когда адъютант устраивал ему ночлег и когда его поили чаем.

После того как Крымов закончил беседу ему стали задавать вопросы (По В. Гроссману).

К Родимцеву кинулся начальник штаба, закричал:

– Товарищ генерал противник прорвался на ваш командный пункт!..

И вдруг исчез командир дивизии исчезло ощущение что война в каменных развалинах и поросших бурьяном оврагах связана с хромированной сталью. Человек с тонкими губами озорно крикнул:

– А ну, штаб дивизии! Проверьте личное оружие, взять гранаты - и за мной, отразим противника!

И в его голосе и глазах быстро властно скользнувших по Крымову много было ледяного и жгучего боевого спирта. На миг показалось не в опыте не в знании карты а в жестокой и безудержной, озорной душе главная сила этого человека!..

Когда задохнувшись от бега Крымов одним из первых добрался до края оврага и поглядел вниз его содрогнувшееся сердце почувствовало соединенное чувство гадливости страха ненависти. На дне расселины

мелькали неясные тени, вспыхивали и гасли искры выстрелов, а в воздухе стоял непрерывный железный свист. Казалось что Крымов заглянул в огромную змеиную нору где сотни потревоженных ядовитых существ шипя сверкая глазами быстро расползались шурша среди сухого бурьяна. И с чувством ярости отвращения страха он стал стрелять из винтовки по мелькавшим во тьме вспышкам, по быстрым теням ползавшим по склонам оврага. Казалось кипит большой черный котел и Крымов весь, всем телом, всей душой погрузился в это кипение и уж не мог мыслить чувствовать как мыслил и чувствовал прежде. Казалось нет возможности разобраться в том что происходит и в то же время силилось очевидное, по-дневному ясное чувство связи с людьми, чувство свой силы соединенной с силой стреляющих рядом с ним. Это удивительное чувство возникшее в ночном бою где в трех шагах не различишь кто это рядом – товарищ или готовый убить тебя враг связывалось с удивительным и необъяснимым ощущением которое давало солдатам возможность предугадывать ход боя (По В. Гроссману).

17

Казалось что все силы души Крымов истратил в этом ночном бою. Для того чтобы увидеть Родимцева надо было повернуть голову но Крымов не повернул головы. Так пусто вероятно себя чувствует колодец из которого вычерпали всю воду подумал он. Он снова задремал и негромкие голоса звуки стрельбы и разрывов слились в однотонное гудение. Ему померещилось что он лежит в комнате с закрытыми ставнями и следит за пятном утреннего света на обоях. Сердце мальчика задрожало, человек с седыми висками, с висящим у пояса тяжелым пистолетом открыл глаза и оглянулся. **В старенькой гимнастерке в пилоточке с зеленой фронтальной звездочкой стоял склонив голову музыкант и играл на скрипке.** Вавилов увидев что Крымов проснулся наклонился к нему и сказал:

– Это наш парикмахер, Рубинчик, большой специалист!..

Иногда кто-нибудь бесцеремонно перебивал игру шутивным грубым словом иногда кто-нибудь заглушая музыканта спрашивал «Разрешите обратиться?» – рапортовал начальнику штаба, постукивала ложечка в жестяной кружке, кто-то протяжно зевнул... Парикмахер внимательно следил не мешает ли его игра командирам готовый в любую минуту прервать ее. Когда скрипач перестал играть стало слышно тихое журчание под деревянным настилом бежала вода и Крымову показалось что душа его вот тот самый невидимый колодец который стал пуст сух а теперь потихоньку вбирает в себя воду.

Полчаса спустя скрипач брил Крымова и с преувеличенной серьезностью спрашивал не беспокоит ли Крымова бритва. Родимцев прищурившись оглядел попрысканного одеколоном Крымова удовлетворенно кивнул и сказал:

– Что ж, гостя побрил на совесть. Теперь меня давай обработай.

Темные большие глаза скрипача наполнились счастьем. Разглядывая

голову Родимцева он встряхнул беленькую салфеточку и произнес:

– Может быть височки все-таки подправим товарищ гвардии генерал-майор? (По В. Гроссману).

18

Вечером Крымов после очередного доклада оказался в блиндаже у подполковника Батюка командира дивизии расположенной по склонам Мамаева Кургана. Батюк человек небольшого роста с лицом замученного войной солдата обрадовался Крымову. Прищурив глаза он проговорил:

– А я слышал что вы к нам с докладами приехали думал к кому раньше пойдете к Родимцеву или ко мне. Оказалось все же к Родимцеву.

Он покряхтел посмеялся.

– Мы здесь как в деревне живем. Стихнет вечером, ну и начинаем с соседями перезваниваться: что обедал да кто у тебя был да к кому пойдешь да что тебе начальство сказала у кого баня лучше да о ком написали в газете? Пишут не о нас, все о Родимцеве, по газетам судя он один в Сталинграде воюет.

Крымов увидел что спокойствие движений и украинская медлительность речи не соответствуют трудным мыслям передумать которые взялся Батюк. Николая Григорьевича огорчило что Батюк не задал ему ни одного вопроса связанного с докладом. Доклад словно бы не коснулся того что действительно занимало Батюка. Поразил Крымова рассказ Батюка о первых часах войны. Во время общего отхода от границы Батюк повел свой полк на запад – отбить у немцев переправы. Отступавшее по шоссе высокое начальство вообразило что он собирается предаться немцам. Тут же на шоссе после допроса состоявшего из брани и истерических выкриков было приказано его расстрелять. В последнюю минуту, он уже стоял у дерева, красноармейцы отбили своего командира.

– Да, сказал Крымов, серьезное дело товарищ подполковник.

– Разрыва сердца не получил ответил Батюк, а порок все-таки нажил, это мне удалось.

Крымов сказал что его предупредили о предстоящей у Батюка конференции снайперов – ему интересно было присутствовать на ней (По В. Гроссману).

19

Все же страшноваты эти творческие отчеты снайперов. Всю жизнь Крымов высмеивал интеллигентских слюнтяев высмеивал Евгению Николаевну и Штрума охавших по поводу страданий раскулаченных в период коллективизации. Он говорил Евгении Николаевне о событиях 1937 года «Не то страшно что уничтожают врагов, страшно когда по своим бьют». И теперь ему хотелось сказать что он всегда не колеблясь готов был уничтожать белогвардейских гадов, потом кулачье, что никогда никакой жалости не возникало у него к врагам революции но нельзя же радоваться что наряду с фашистами убивают немецких рабочих. Все же страшновато от разговоров снайперов хоть они знают ради чего совершают свое дело.

Зайцев стал рассказывать о своем многодневном состязании с немецким снайпером у подножия Мамаева кургана. Немец знал что Зайцев следит за ним и сам следил за Зайцевым. Оба они казались равной примерно силы и не могли друг с другом справиться.

– В этот день он троих наших положил, а я сижу в балочке, ни одного выстрела не сделал. Вот он делает последний выстрел, без промаха стрельба, упал боец лег на бок руку откинул. Идет с их стороны солдат с бумагой я сижу, смотрю... А он это знаю понимает что сидел бы тут снайпер убил бы этого с бумагой, а он прошел. А я понимаю что бойца которого он положил ему не видно и ему интересно посмотреть. Тихо. Прошло еще минут шестнадцать – он стал приподниматься. Встал. Я встал во весь рост...

Вновь переживая произошедшее Зайцев поднялся из-за стола, – то особое выражение силы которое мелькнуло на его лице теперь стало единственным и главным выражением его то уже не был добродушный широконосый парень, – что-то могучее львиное, злое было в этих раздувшихся ноздрях в широком лбе в глазах полных ужасного, победного вдохновения (По В. Гроссману).

20

Ночевал Крымов у Батюка. Позевывая он рассказывал Крымову о делах в дивизии, не о боях, а о всяких происшествиях жизни. Все что говорил Батюк имело отношение, казалось Крымову к той истории что произошла с самим Батюком в первые часы войны, от нее тянулись его мысли. С первых сталинградских часов не проходило у Николая Григорьевича какое-то странное чувство. То казалось ему что попал он в беспартийное царство. То наоборот казалось ему что он дышал воздухом первых дней революции. Батюк сказал:

– А что, товарищ батальонный комиссар вам кажется я не ту линию гну?

Крымов не сразу ответил. Он сказал командиру дивизии:

– Знаете я считаюсь неплохим партийным оратором а тут у меня все время чувство что меня ведут а не я веду. Вот такая странная штука. Да, кто гнет линию, а кого линия гнет. **Хотелось мне вмешаться в разговор ваших снайперов внести одну поправку.** А потом подумал, – ученых учить портить. А по правде говоря не только потому промолчал. Политуправление указывает докладчикам довести до сознания бойцов что Красная Армия есть армия мстителей а я тут начну об интернационализме да классовом подходе. Главное ведь мобилизовать ярость масс против врагов! А то получилось бы как с дураком в сказке – пришел на свадьбу стал читать за упокой...

Он подумал проговорил:

– Христианский гуманизм в нашем деле не годится. Наш гуманизм суровый. Церемоний мы не знаем... Естественно я не имею в виду тот случай когда вас зазря расстреливали. И в тридцать седьмом случалось били по своим: в этих делах горе наше. А немцы полезли на отечество рабочих и крестьян! Война есть война! Поделом им.

Крымов ожидал ответа Батюка но тот молчал не потому что был

озадачен словами Крымова а потому что заснул (По В. Гроссману).

21

На следующий день Крымов пришел читать доклад на завод «Баррикады» где стояла дивизия полковника Гуртьева. Он с каждым днем все больше сомневался нужны ли его доклады. Иногда ему казалось что слушают его из вежливости. Правда приходу его бывали рады но он понимал рады ему по-человечески а не его речам. Он стал одним из тех армейских политотдельцев что занимаются бумажными делами болтаются мешают тем кто воюет. Лишь те политработники были на месте которые не спрашивали не разъясняли не занимались агитацией а воевали.

После доклада Крымов разговорился с Саврасовым. Это был человек видимо тяжелого и резкого характера честолюбивый и обиженный. Многое в нем и честолюбие, и резкость, и насмешливый цинизм с которым говорил о людях было нехорошо. Саврасов глядя на Крымова произносил:

– В Сталинграде придешь в любой полк и знаешь в полку самый сильный решительный – командир полка! Это уже точно. Тут уж не смотрят сколько у дяди коров. Смотрят одно башка есть? Тогда хорош. Липы тут нет. А в мирное время как бывало? – Он улыбнулся своими желтыми глазами прямо в лицо Крымову. Знаете я политику терпеть не могу. Правые, левые, оппортунисты, теоретики. Не выношу. Но меня и без политики схарчить раз десять хотели. Хорошо еще что я беспартийный. Притворяться мне что ли? Не умею.

Крымову хотелось сказать Саврасову что вот и в Сталинграде его крымская судьба не выправляется болтается он без настоящего дела. Почему Вавилов а не он комиссаром в дивизии Родимцева? Почему Свиринову доверяют больше чем ему? Многое из этих мыслей мог бы высказать Крымов желтоглазому полковнику но лишь возразил ему в том в чем был с ним согласен:

– Вы уж очень упрощаете. В довоенное время смотрели не только на то сколько у дядьки коров. А подбирать кадры по одному лишь деловому признаку тоже ведь нельзя (По В. Гроссману).

22

Стало известно что полк перебазирован под Сталинград. Вечером в блиндаже летчики не спали лежа на нарах курили и разговаривали. Луна поднялась над лесом и беспокойное пятно засветлело меж деревьев. Деревня расположенная в двух километрах от аэродрома лежала темная притихшая. Говоривших не было видно в полутьме но они хорошо знали друг друга по голосу.

– Помнишь под Ржевом восемь «мессеров» на него навалились он бой принял семнадцать минут держался.

– Идет в воздухе и поет. Каждый день его песни вспоминаю.

– Да, уж этот в воздухе не бросит. Всегда за отстающими следил.

– Ты его и не узнал хорошо.

- Узнал. Напарника видишь в полете машины.
- Заговорили о немцах.
- Его тоже сразу определяешь какой сильный настойчивый какой ловит простачков, клюет сзади, караулит отстающего.
- У них пары не так крепки.
- Фриц в раненого зубами вцепится а от активного уйдет.
- Не обижайся но я бы за сбитого «юнкерса» не стал бы звание присваивать.
- А чего мне обижаться ты у меня звания не отнимешь.
- Таран вот русская натура. Загнать его в землю: с дымом, с газом!
- Кто-то протяжно и задумчиво проговорил:
- **Я бы в хороший клуб зайти сейчас с девушкой постеснялся отвык совсем.**
- Зато Соломатин не стесняется.
- Или завидуешь Леня?
- Завидую факту, а не объекту.
- Ясно. Верен до гроба.

Потом все стали вспоминать бой под Ржевом когда семь истребителей столкнулись с большой группой «юнкерсов». Казалось что каждый говорил о себе но это только казалось говорили об общем. Потом стало тихо и кто-то сказал:

- Уйдем завтра чуть свет, а Демидов останется тут один (По В. Гроссману).

23

Мадьяров рассказывал спокойно неторопливо он не оправдывал тех начдивов и комкоров которых расстреливали как врагов народа и изменников родины но в его восхищении Криворучко, Дубовым, в том как уважительно и просто назвал он имена командиров истребленных в 1937 году чувствовалось он не верит что маршалы Тухачевский, Блюхер, Егоров были врагами народа и изменниками родины. Спокойная обыденность мадьяровского голоса казалась невысказанной. Ведь государственная мощь создала новое прошедшее. Государство обладало достаточной мощью чтобы наново переиграть то что уже было однажды и на веки веков совершено, преобразовать и перевоплотить гранит, бронзу, отзвучавшие речи, изменить расположение фигур на документальных фотографиях. Это была поистине новая история. И казалось что неминуемо придет логика еще более могучая логика правды. Никогда такие разговоры не велись до войны.

- Вчера – говорил Мадьяров – мне один полковник он тут на излечении, рассказывал что на него дело возбуждено в фронтовой партийной комиссии. Набил морду лейтенанту. Во время гражданской войны таких случаев не было.

– Сами же говорили что Щорс выпорол комиссию Реввоенсовета сказал Штрум.

- То подчиненный порол начальство сказал Мадьяров разница есть.
- Марья Ивановна вполголоса спросила у Соколова:

– Может быть чай пора пить?
– Конечно, конечно давай нам чаю.
– Ах, товарищи родные сказал вдруг Мадьяров представляете себе что такое свобода печати? Открываете газету и находите знаете что? Информацию! Вы знаете все что происходит в стране. Вы узнаете сколько граммов получают в колхозе на трудодень из газет а не от домработницы к которой приехала племянница из деревни покупать в Москве хлеб.

Соколов вдруг сказал:

– **Прошу прекратить подобные разговоры (По В. Гроссману).**

24

Заспорили о литературе.

– Забыли у нас Достоевского сказал Мадьяров в библиотеках неохотно на дом выдают, издательства не переиздают.

– Потому что он реакционер сказал Штрум.

– Это верно не надо было ему «Бесов» писать согласился Соколов.

– Вы уверены Петр Лаврентьевич? Скорее уж «Дневник писателя» не надо было писать.

– Гениев не причисляют сказал Мадьяров. Достоевский не лезет в нашу идеологию. Вот Маяковский. Сталин не зря назвал его лучшим и талантливейшим. Он – сама государственность в своих эмоциях. А Достоевский сама человечность, даже в своей государственности.

– Если так рассуждать сказал Соколов то вообще вся литература 19 века не лезет.

– Ну, не скажи проговорил Мадьяров. **Вот Толстой опозитизировал идею народной войны а государство сейчас возглавило народную справедливую войну.** Как говорится идеи совпали: Толстого и по радио, и издают, и вожди цитируют.

– Легче всего Чехову его признает и прошлая эпоха и наша сказал Соколов.

– Чехов у нас по недоразумению признан воскликнул Мадьяров.

– Не понимаю сказал Соколов Чехов реалист а достается у нас декадентам.

– Не понимаешь спросил Мадьяров. Так я объясню. Ты Петр Лаврентьевич в декадентах человечность ищешь? Индивидуализм не человечность. Вам кажется декадентов бьют? Чепуха. Они не враждебны государству, просто не нужны безразличны. Убежден между соцреализмом и декадентством бездны нет. Спорили что такое соцреализм. Это зеркальце которое на вопрос партии и правительства «Кто на свете всех милее, всех прекрасней и белее?» отвечает «Ты, ты, партия, правительство, государство всех прекрасней и милее!» А декаденты на этот вопрос отвечают «Я, я, я, декадент, всех милее и румяней». Не так уж велика разница. Методы разные а суть одна восторг перед собственной исключительностью (По В. Гроссману).

– Между Чеховым и современностью лежит великая бездна. Путь Чехова это путь русской свободы. Мы-то пошли другим путем. Попробуйте, охватите всех его героев. Подумайте: врачи, инженеры, адвокаты, учителя, профессора, помещики, лавочники, фабриканты, гувернантки, лакеи, студенты, чиновники всех классов, кондуктора, свахи, дьячки, архиереи, крестьяне, рабочие, сапожники, натурщицы, садоводы, егеря, рыбаки, поручики, художники, сахалинские каторжники...

– Хватит, хватит закричал Соколов.

– Нет, не хватит! **Чехов ввел в наше сознание всю громаду России, все ее классы сословия возрасты.** Но мало того! Он сказал как никто до него даже Толстой не сказал все мы прежде всего люди понимаете люди! Сказал: самое главное то что люди это люди, а потом уж они архиереи русские лавочники татары рабочие. Полвека назад ослепленные партийной узостью люди считали что Чехов выразитель безвременья. А Чехов знаменосец самого великого знамени что было поднято в России за тысячу лет ее истории, – истинной, русской, доброй демократии человеческого достоинства русской свободы. Ведь наша человечность всегда по-сектантски непримирима и жестока. Даже Толстой с проповедью непротivления злу насилием нетерпим. А главное исходит не от человека. Ему важно чтобы восторжествовала идея утверждающая доброту. Чехов сказал пусть посторонятся великие прогрессивные идеи начнем с человека будем добры внимательны к человеку кто бы он ни был, – архиерей, мужик, фабрикант-миллионщик, сахалинский каторжник, лакей из ресторана; начнем с того что будем уважать жалеть любить человека без этого ничего у нас не пойдет. Вот это и называется демократия, пока несостоявшаяся демократия русского народа. Сути Чехова государство не понимает потому и терпит его (По В. Гроссману).

Когда-то студентом последнего курса Штрум вдруг сказал своему товарищу по семинару:

– Невозможно читать, патока и дикая скука, – и бросил на пол номер «Правды». И едва это сказал его охватил страх. **Он поднял газету отряхнул ее усмехнулся удивительно подлой улыбкой** его спустя долгие годы бросало в жар когда вспоминал эту улыбку. Через несколько дней он протянул тому же товарищу «Правду» и оживленно проговорил:

– Гришка прочти-ка передовую, здорово написано.

Товарищ беря газету сказал ему жалостливо:

– Трусоват был Витя бедный. Думаешь донесу?

Тогда же еще студентом Штрум дал себе слово либо молчать не высказывать опасных мыслей либо если уж выскажешь их не дрейфить. Но он не сдержал слова. Он часто терял осторожность вспыхивая «ляпал», а ляпнув случалось терял мужество и начинал тушить им же зажженный огонек. В 1938 году после бухаринского процесса он сказал Крымову:

– Как хотите, а Бухарина я знаю лично. Говорил с ним два раза – большая башка, милая умная улыбка, в общем чистейший и обаятельнейший человек.

И тут же Штрум смущенный угрюмым взглядом Крымова пробормотал:

– Впрочем шпионаж, агент охраны, где уж тут чистота и обаяние, – гнусность!

И снова ему пришлось смешаться Крымов с тем же угрюмым видом с каким слушал его сказал:

– Пользуясь тем что мы родственники сообщу вам Бухарин и охранка у меня не умещаются в голове и не уместятся.

И Штрум с внезапным бешенством против самого себя против силы которая мешает людям быть людьми крикнул:

– Да боже мой, не верю я в этот ужас! Эти процессы кошмар моей жизни. Почему они слушаются зачем они сознаются?

Но Крымов не стал продолжать разговор видимо он и так много сказал (По В. Гроссману).

27

Секретарь обкома одной из оккупированных немцами областей Украины Дементий Трифонович Гетманов был назначен комиссаром формировавшегося на Урале танкового корпуса. Все в Гетманове по отдельности было большим седеющая вихрастая голова широкий нос ладони плечи толстая мощная шея. Но сам он был небольшого роста. И странно что в его большом лице особенно привлекали и запоминались маленькие глаза они были узкими едва видимыми из-под набухших век. Цвет их был неясный не определишь чего в них больше серого или голубого. Но заключалось в них много пронзительного живого, мощная проницательность.

Прежде чем выехать на место службы Гетманов слетал в Уфу где находилась в эвакуации его семья. Гетманов провел в Уфе пять дней. Перед отъездом к нему зашли проститься близкие люди младший брат жены, Николай Терентьевич, старый товарищ Гетманова, киевлянин Машук, работник органов безопасности, и свояк Дементия Трифоновича ответственный работник отдела пропаганды Сагайдак.

Машук оглядел стены завешенные украинскими коврами посмотрел на широкую тахту на гостеприимные бутылки и консервные банки сказал обращаясь к жене Гетманова:

– А я помню эту тахту в вашей квартире Галина Дмитриевна и молодец же вы что сумели ее вывезти, определенный оргталант у вас.

– Учти сказал Гетманов – когда эвакуировались меня дома уже не было – все сама!

Жизнь Дементия Трифоновича была довольно бедна внешними событиями. Он не участвовал в гражданской войне. Его не преследовали жандармы. Доклады на съездах он обычно читал по рукописи. Читал хорошо без запинок с выражением хотя писал доклады не сам. Правда читать их было легко их печатали крупным шрифтом через два интервала и имя

Сталина выделено на них было красным шрифтом (По В. Гроссману).

28

Гетманов получив назначение на танковый корпус встревожился и огорчился ведь люди с его партийным положением переходя на военную работу становились членами Военных советов армий а иногда даже и фронтов. Узнавал через одного из своих друзей нет ли против него наверху недовольства. Казалось что ничего тревожного не имелось. **Тогда Гетманов утешая себя стал находить хорошие стороны в своем назначении** – ведь танковым войскам предстоит решать судьбу войны. В танковый корпус пошлют не каждого скорей пошлют членом Военного совета в захудалую армию на второстепенный участок чем в танковый корпус. Этим партия выразила ему доверие. Но все же он был огорчен. Почему-то наибольшее раздражение вызывал в нем командир корпуса полковник Новиков. Он еще ни разу не видел полковника но все что знал и узнавал о нем не нравилось ему.

Друзья сидевшие с ним за столом понимали его настроение и все что говорили они о его новом назначении было приятно ему. Машук сказал что командира корпуса куда комиссаром едет Гетманов недавно назначили он раньше не командовал соединениями. Сагайдак сказал что корпус наверное пошлют под Сталинград что командующего Сталинградским фронтом генерала Еременко товарищ Сталин знает со времен гражданской войны. Хорошо воевать под командованием человека к которому с таким доверием относится товарищ Сталин. Потом говорили что Никита Сергеевич помнит Гетманова по работе на Украине и что большой удачей для Гетманова будет попасть на тот фронт где Никита Сергеевич член Военного совета.

– Не случайно – сказал Николай Терентьевич – в Сталинград товарищ Сталин приказал послать Никиту Сергеевича, фронт решающий кого же послать? (По В. Гроссману).

29

Новиков посмотрел на комиссара но что прочтешь на толстом скуластом улыбающемся лице умного сорокалетнего человека с прищуренными веселыми и недобрыми глазами. Новиков глядел на Гетманова и не мог понять его. **Его раздражала манера Гетманова чувствовать себя всегда хозяином убежденным в своем праве многословно высказываться на совещаниях по техническим вопросам** в которых ничего не смыслил. Но хоть Новиков и посмеивался в душе над неучем в военном деле Гетмановым неприятно было сознавать свою робость перед ним. Этот человек с большой головой невысокий но широкоплечий очень подвижный громкоголосый смешливый был неутомимо деятелен. Хотя на фронте он никогда не был в бригадах о нем говорили «Ох, и боевой у нас комиссар!». Он любил устраивать митинги говорил он просто много шутил. Он был вспыльчив и не любил возражений: когда с ним спорили сопел и хмурился а однажды пришел в ярость замахнулся и даже ударил начальника штаба тяжелого полка капитана Губенкова. У Гетманова не было почтения к

тем кто видел тяжелые первые дни войны. Как-то он сказал о любимце Новикова командиру первой бригады Макарове:

– Я из него вышибу философию сорок первого года!

Как-то Новиков и Гетманов остановились возле машины занявшей первое место на стрельбах. Гетманов спросил у танкиста трудно ли ему было добиться первого места. И тот оживившись сказал:

– Нет, чего же трудно. Уж очень я полюбил ее. Как приехал из деревни в школу увидел и сразу полюбил ее до невозможности.

Гетманов назидательно сказал танкисту:

– Молодец, любовь к танку великая сила. Поэтому ты и добился успеха что полюбил свою машину (По В. Гроссману).

30

Было холодно лил дождь. **Ребров не стал заходить под арку театрального подъезда не желая встречать актеров и всяких знакомых деятелей.** Он встал у стены чтоб скрыться от дождя. Публика уже шла густой толпой, проходившие говорили о такси, метро, о том что надо зайти в булочную, никто не говорил о спектакле. «Ну конечно! Все правильно», без всякого удивления думал Ребров. Со Смоляновым он знаком не был пьес его не видел и не читал но почему-то был убежден в том что Смолянов бездарность и ловкач а пьесы его чепуха. Появился завлит Маревин Борис Миронович или как его называли в театре Боб; держал ребровские пьесы четыре месяца и лишь недавно через Лялю передал что мол не подойдет. Не удосужился даже пригласить объяснить. Не написал никакого официального письма. А зачем церемониться? Свой человек, муж Лялечки, не настоящий автор. Когда приносит Берг или Федька Арнольдов он небось за одну ночь глотает и чуть свет звонит: «Послушайте, безобразие, вы меня лишили сна не мог оторваться...» На улице грозный Маревин перед которым трепетали авторы выглядел совсем иначе чем в своем кабинетике с чернильным прибором зеленого мрамора, – довольно жалко. Неказистый плюгавого роста господинчик в берете в пальтишке не лучше ребровского с портфелем он выбежал под дождь согнулся подергал как комарик тонкими ножками поглядел по сторонам увидел Реброва поклонился. Ребров ответил высокомерным кивком. Тут сильный с ветром обвал дождя шарахнул Маревина шатнул его к стене дома и Маревин невольно приблизился к Реброву – так что нельзя было не поздороваться и не сказать двух слов:

– Ждете Лялю? У нее сегодня большой день. И вас поздравляю... (По Ю. Трифонову).

31

В дверях появился Макеев в роскошном пальто с шалевым воротником руки в карманах до носа закутан белым шарфом, кто-то тащил сзади его чемоданчик. Макеевские поклонницы дежурившие под аркой театрального подъезда запищали хором «Макеев душка!» Потом вывалилась большая компания, в центре – Ляля. В согнутой левой руке как ребенка держала громадный букет. Шумно прощались вскрикивали махали шляпами какая-то

женщина целовала Лялю компания быстро рассеивалась. Ребров слегка попятился и вышел под дождь. Ляля продолжала разговаривать с кем-то. Ребров узнал Смолянова. Он напрягся. Прирос к месту сказав себе что не сделает ни шага к Ляле пусть сама подойдет к нему. Ляля его увидела но была настолько увлечена что не кивнула не улыбнулась ему не сделала никакого жеста свидетельствующего о том что она его вообще заметила. Казалось что они и дождя не замечали. Ляля и Смолянов подошли остановились в двух шагах и Ляля, не глядя на Реброва протянула ему букет.

– Это что спросил Ребров беря букет. Мне подарок, что ли?

– Гриша поддержи Ляля впервые посмотрела на него. Взгляд был слегка очумелый глаза блестели. Гриша вот Николай Демьянович предлагает куда-нибудь пойти отметить...

Смолянов приподнял шляпу его рука оказалась неожиданно сильной.

– **Поздравляю вас пробормотал Ребров чувствуя в своем голосе какую-то гнусность.** В следующую секунду оправдал себя «Да что ж, бедняга разве виноват в том что бездарен? А у человека как-никак премьера...»

В машине нельзя было повернуться от букетов. Ляля отчего-то безумно хохотала. Куда ехать? Решили: в новую гостиницу на Ленинградском шоссе. Говорят что там ресторан с цыганами (По Ю.Трифонову).

32

До революции домик где жили Телепневы был дачкой какого-нибудь фабричного служащего или чиновника из небольших у кого не хватило пороку поселиться в настоящей подмосковной, с речкой и берегом, в Лосином острове или Кускове и кого служба обязывала ежедневно ездить в Москву отчего близость к городу играла первейшую роль. В 1922 году поселился здесь тогда еще за чертой города Петр Телепнев по профессии мастер-котельщик по призванию садовод. **Учился на рабфаке работал сперва мастером а потом до сменного инженера дошел на большом новом заводе** что вырос неподалеку от дома. Но сильнее чем завод чем дорогие сердцу котлы и может сильнее чем жену и дочку любил Петр Телепнев свой сад взлелеянный за три десятилетия. Особенно богаты были георгины. Ими славился Телепнев по всей Москве. В войну сад едва не погиб. Кому было дело до цветов когда жили впроголодь у девчонки ни платьиц ни туфель в мае бегала в валенках а Ирина Игнатьевна мучилась язвой приходилась неделями по больницам маяться. И все же выжили и сад спасли. Спас Петр Александрович – часами ночами отнятыми у жизни, верою в то что спросят однажды очнувшись «А чего-то у нас вроде не хватает? Стояло что-то вроде на столе посередке?». И верно народ возвращался к цветам картошка и редис помаленьку выходили из моды были уже не властные хозяева а как бы временные жильцы кого терпят по нужде за хорошую плату не чая поскорее отделаться но тут неожиданно навернулась новая опасность. Через два года после конца войны стали застраивать Почтовые улицы каменными домами. Над садом нависла беда снос. Домик не

жалко куча дров, дадут другую квартиру, еще получше а вот саду грозила смерть. Петр Александрович пустился собирать бумаги. (По Ю.Трифонову).

33

Ребров понемногу зарабатывал ответами на письма в двух редакциях и очерками для радио. Кроме того печатал иногда мелкие исторические заметки в тонких журналах. Все это был мизер чтобы как-то держаться на поверхности. В лучшие времена выходило около тысячи в месяц. Иногда набегало по семьсот, по триста. Теперь когда Ляля стала приносить большую получку и возникали неожиданные гонорары жизнь вроде упрочилась но сделалось отчего-то еще тревожнее. Раньше нет денег, ну и нет. Обойдешься чашкой кофе, не барин. А теперь Ляля может вынуть и тридцатку, и сотню, но ведь – просить. И тут еще Ирина Игнатьевна портила кровь. Ей казалось что он заставляет Лялю в погоне за рублем мотаться по концертам выступлениям то есть что он ее эксплуатирует. И Ребров ощущая эти тещины мысли – так прямо она их не высказывала но давала понять, а иногда ему попадались ее послания к дочери, Ляля бросала их где попало, – чувствовал порой что начинает Ирину Игнатьевну ненавидеть. Вечерами доносились ее жалобы Ляле «Вошел в кухню и не поздоровался... Три раза просила наколоть дров... Поговори же с ним». Все это была нудность, невозможно терпеть. Рвался убежать на Башиловку. Ляля умоляла остаться потому что тогда бы и ей пришлось ехать на Башиловку – что бывало и раньше, – но бросить мать одну было нельзя. Умолять-то умоляла а вот приструнить мать по-настоящему никогда не хватало духу. Молчал терпел старался пораньше удрать в библиотеку попозже вернуться. А в тот день он как назло вернулся домой рано. Был расстроен в одной из редакций где третий год исправно давали отвечать на письма вдруг отказали. Почему? С какой стати? Знакомый человек смущенно пожимал плечами:

– Ничего не понимаю. Думаю через какое-то время ситуация прояснится (По Ю.Трифонову).

34

Вдруг присев к столу под лампу сразу осветившую все ее большеносое изрытое многими годами бедами широтами лицо странно соединявшее в себе лицо никчемной старухи и битого морскими ветрами моряка Тамара Игнатьевна сказала мягко и даже просительно:

– Все же вы на нее не сердитесь, ладно? Знаете какая Ирина была красивая! Сколько у нее было предложений в двадцать третьем году! Она была просто замечательная. Она же балерина. Училась у Полякова в студии на Бронной. Мы бегали всей оравой смотреть. Поляков предлагал уехать в Ригу. И не поехала маму пожалела – отец наш как раз умер у Коли неприятности... Говорю – счастливая. А какое ж счастье? В земле, в навозе копать картошку сажать дрова пилить колоть как мужик. Вся родня говорила продайте этот дом сад кому это нужно в Москве купите квартирку небольшую удобную в центре будете жить по-человечески. Нет, Петя не

может. Без сада ему не жить. Вот чего не отнимешь она семье предана. Ведь вся Иркина молодость все ее надежды таланты какие-никакие, но что-то ведь было – все в землю ушло. Вот вам Гриша и счастье, жизнь кончается. А если с Петром Александровичем что случится? Не переживет она... Ой, такая она глупая наивная если рассказать...

Тамара Игнатьева бормотала, Ребров прислушивался к звукам на улице ни собаки ни голосов не было слышно... Он думал: как отвратительно должно быть человеческое лицо если его рассматривать в лупу. А мы только и делаем что рассматриваем. А нужно все время видеть – годы, целое. Тогда бы не было ненависти. Нельзя ненавидеть женщину родившую другую женщину, – ту без которой нет жизни. Хотела быть балериной и прожила жалкую, садово-огородную жизнь... Нельзя ненавидеть. Человек не замечает как превращается во что-то другое (По Ю.Трифонову).

35

Было около трех. Ребров поехал в театр. Не был там очень давно и не хотелось, не мог. Но теперь гнало последний раз толкнуться потому что стоял на грани. Ведь настоящего ответа так и не получил. Обсуждения не было. И рукописи до сих пор там. И еще – увидеть Лялю, спросить немедленно. Как она скажет так и будет. Проскользнул пустой вестибюль кинул пальто на крюк в гардеробе и к завлиту в кабинетик набитый табачным дымом. **Маревин сидел на диване притулясь небрежно одну коротенькую ножку подогнул под себя другой покачивая** рядом с ним на краю дивана чинно выпрямилась сухая кеглеобразная дама. Разговаривали вполголоса у Маревина в руках четки. На Реброва взглянул устало с удивлением.

– Позвольте Гриша мне думается какой-то разговор у нас был. Разве нет? Мне думается вы ошибаетесь...

– Ничего подобного!

– Да был, был! Вы запомнили. По поводу «Высокого дома» вы спрашивали по телефону. Я передал мнение Сергея Леонидовича.

– А где официальный письменный ответ?

– Не понимаю Григорий Федорович... – В черных глазах Маревина сгущалось неудовольствие. Под глазами темными нашлепками висли мешки. И этот пигмей, жалкий язвенник, тут царь и бог! – На чем вы настаиваете? Обсуждение? Мы вас щадили. Зачем вам? Актеры члены совета люди бестактные грубые скажут какую-нибудь неприятность полгода работать не сможете руки опустятся...

Кажется издевательство. Но ведь наверно по делу. Издевательство-то по делу. Считает халтурщиком. Голову стягивало болью будто кто-то все ту же закручивал вокруг черепа полотенце.

– А вы пожалуй зайдите к Сергею Леонидовичу сказал Маревин. Поговорите с ним. Он у себя я знаю (По Ю.Трифонову).

36

Главный режиссер знал Реброва довольно хорошо как мужа Ляли но

серьезных разговоров никогда не было. **И вдруг этот тучный седой человек стал говорить Реброву все свое сокровенное мучающее.** Ребров ему что-то про справку, а тот – про то что зол на весь мир находится в опаснейшем, мизантропическом настроении человечество себя не оправдало мы погибнем от лицемерия... Он почти бегал по комнате а Ребров стоял у окна прижатый спиной к высокому подоконнику. Оказывается полчаса назад окончился худсовет и старик всем дал по мозгам. Вчера ночью в бессонницу вдруг отчетливо понял что спасение в одном говорить людям правду в глаза. Автору конечно донесут сегодня же потому что сыр-бор разгорелся из-за него... Он поглядел на Реброва внимательно и вдруг продолжал иным голосом сухо и неприязненно:

– Теперь поговорим о вас. Я предупредил сегодня я беспощаден. Согласны? Идет? Так вот, читаю я ваши сочинения читаю других молодых авторов и удивляюсь ну зачем люди себя мучают? Почему пишут о том о чем имеют лишь слабое представление? Ведь у каждого из вас есть свое, кровное, что дорого до слез как у Чехова его дядя Ваня. А у вас – кто? Что? Вот сочинили о корейской войне. Корею вы не знаете войны тамошней не нюхали и вообще на востоке дальше Казанского вокзала не бывали, а? Так ли?

– Эта пьеса не вполне реалистическая... Скорее сказка пробормотал Ребров не в силах побороть улыбки которая со стороны выглядела наверное дурацкой. – Даже пожалуй притча.

– Притча! Послушайте это самонадеяннейшее заявление я написал притчу! Притчи пишут народы а не авторы. Теперь другая ваша пьеса, о строительстве университета. Терпите, терпите, такой уж день. Но ведь боже мой друзья мои золотые научитесь сначала писать о двухэтажных домишках о комнатках в цветочных обоях где живут Петры Ивановичи и Марьи Ивановны а потом уж кидайтесь на сорок пять этажей! (По Ю.Трифонову).

37

Ехать домой было еще рано. Тянуло по бульварам, сначала вниз по Трубной потом в гору к Сретенским воротам. Знал куда тянет к дому на Сретенском бульваре. Трамвай очень медленно одолевал подъем. Ребров почти шагом догнал трамвай и вскочил на подножку. Было когда-то: зима снегопад горбился бульвар с вымершими деревьями и вот тут – справа темнела кирпичами древняя крепостная стена – он вскакивал на подножку. Портфель держал в левой семенил быстро и четко стараясь попасть в ритм колеса молодецкий прыжок и – там! Правой ухватывал поручень. Так было ежедневно до того марта, в гололед когда нога провалилась в пустоту портфель выпал и кто-то сильный схватил за ворот выволлок на площадку. У Сретенских ворот которые были конечной целью недолгого приятного путешествия – всего одна остановка! – услышал крик и увидел бегущую снизу от Трубной размахивающую руками фигуру человека. Это был отец! Он нес портфель за которым Ребров собирался бежать вниз. **Подбежал тяжело дыша с белым лицом и ни слова не говоря отвесил такую плюху**

что Ребров брыкнулся на тротуар, а лишь только поднялся отец ударил снова выговорив с ужасающей ненавистью «Негодяй! Я все видел!» После того дня отец долго втайне следил скрываясь как настоящий шпион за углом дома на Рождественке за тем как Ребров возвращается из школы не прыгает ли в трамвай. Делать отцу было нечего. Он тогда уже не работал был раздражительный крикливый ругался с мамой. Мама его жалела. «Пусть делает что хочет говорила она. Ведь он страдает, а мы не можем помочь». Ребров не понимал почему нельзя найти другую работу и не страдать. Отец был экономистом. Но он уже был тогда болен чего Ребров не знал (По Ю.Трифонову).

38

В конце лета отца увезли в больницу из которой он не вернулся. Мама навещала его но Реброва и его брата Володьку никогда не брала с собой. Однажды приехала радостная и сказала что отец ее узнал. Когда началась война больницу эвакуировали в Кировскую область отец умер в начале сорок второго от воспаления легких но Ребров узнал об этом только через два года. Володька перестал писать летом сорок второго и вернувшись в Москву после госпиталя Ребров стал наводить справки писать повсюду но ответ был один данными не располагаем. **Потом уж сопоставив известные факты и некоторые сведения из последних писем Володьки Ребров понял что Володькина часть попала в котел под Харьковом...**

Вот он двухэтажный дом с полуколоннами львиными облупленными мордами. На втором этаже третье и четвертое окна справа. Тут протекала лучшая жизнь: до шестого класса. Когда отца уволили с работы он почему-то не мог тут жить. Говорил что мешает уличный шум мучает бессонница и переехали на тихую Башиловку почти за город. Как Ребров тогда сопротивлялся! Как не хотелось покидать школу ребят бульвар каток на Чистых прудах марочный магазин на Кузнецком куда бегали после школы и где в подворотне происходили жестокие драки!..

Снег валил гуще. Заваливал все закусную из хлопающих дверей которой вырывался теплый воздух тротуар бредущих людей шапки лица воспоминания мальчика в черном тулупчике сначала длинном потом куцем. Четыре человека жили за этими окнами на втором этаже. Один Ребров остался из четырех – стоит и смотрит в довоенное. Куда ж они делись все? Нет их ни здесь, ни там – нигде. Так получилось. Он их представитель на земле где сейчас снегопад где троллейбусы медленно идут с включенными фарами (По Ю.Трифонову).

39

В один из нестерпимо жарких августовских дней 1972 года – Москва тем летом задыхалась от зноя и дымной мглы а Глебову приходилось проводить много дней в городе потому что ждали вселения в кооперативный дом – Глебов заехал в мебельный магазин в новом районе у черта на рогах возле Коптевского рынка и там случилась странная история. Он встретил приятеля допотопных времен. И забыл как его зовут. Вообще-то он приехал

туда за столом антикварным с медальонами. Сказали что можно взять стол, пока еще неизвестно где, сие есть тайна. Сказали что в мебельном возле Коптевского рынка работает некий Ефим который знает где стол. Глебов подъехал после обеда в неистовый солнцепек, поставил машину в тень и направился к магазину. На тротуаре перед входом где в клочьях мусора и упаковочной бумаги стояли только что сгруженные или ожидающие погрузки шкафы кушетки всякая другая полированная дребедень Глебов спросил как найти Ефима. Ответили на заднем дворе поищи. Глебов прошел через магазин где от духоты и спиртового запаха лака нечем было дышать и вышел узкою дверью на двор совершенно пустынный. Какой-то работяга дремал в тенечке у стены сидя на корточках. Глебов к нему «Вы не Ефим?» **Работяга поднял мутный взгляд посмотрел сурово и чуть выдавил презрительную ямку на подбородке** что должно было означать: нет. По этой выдавленной ямке и по чему-то еще неуловимому Глебов вдруг догадался что этот помертвелый от жары несчастный мебельный «подносила» дружок давних лет. Понял не глазами а чем-то другим каким-то стуком внутри. Но ужасно было вот что: хорошо зная кто это, начисто забыл имя! Поэтому стоял молча покачиваясь в своих скрипучих сандалетах и смотрел на работягу вспоминая изо всех сил (По Ю.Трифонову).

40

В этот день решался вопрос о командировке в Тюменскую область. Командировку утвердили еще в июле и ехать обязан был не кто иной как Дмитриев. Насосы – его вотчина. Директор ждал Дмитриева в половине одиннадцатого. **Склонив голову набок и глядя с каким-то робким удивлением Дмитриеву в глаза директор сказал:**

– Так что же будем делать?

Дмитриев ответил:

– Не знаю. Ехать я не могу.

Он понял что может стоять как скала и его не сдвинут. Только не надо ничего объяснять. И директор подумав назвал фамилию Тягусова молодого парня год назад окончившего институт и как казалось Дмитриеву порядочного балбеса. Еще недавно Дмитриев стал бы протестовать но теперь вдруг почувствовал что все это не имеет значения.

– Конечно, сказал он. Посижу с ним дня два, все ему объясню. Он справится. Парень толковый.

Придя в свою комнату на первом этаже Дмитриев полтора часа работал не разгибаясь: готовил документацию. Хотя он и раньше не верил в то что его заставят поехать все же мысль о командировке давила была ко всем его тягостям еще одной гирькой и теперь когда гирьку сняли он испытал облегчение. И подумал с надеждой что сегодня может быть будет удачный день. Как у всех людей которых гнетет судьба у Дмитриева выработалось суеверие он замечал что бывают дни везения когда одна удача цепляется за другую и в такие дни надо стараться проворачивать как можно больше дел и бывают дни невезения когда ничего не клеится хоть лопни. Похоже на то что начинается день удач. Теперь надо занять деньги. Лора просила привезти

хоть сколько-нибудь. А где взять? Такая гадость занимать деньги. Но делать надо сегодня раз уж сегодня день удач. Дмитриев стал думать к кому бы ткнуться (По Ю.Трифонову).

41

С тревожным чувством берусь за перо. Кого интересуют признания литературного неудачника? Что поучительного в его исповеди? Да и жизнь моя лишена внешнего трагизма. Я абсолютно здоров. У меня есть любящая родня. Мне всегда готовы предоставить работу которая обеспечит нормальное биологическое существование. Мало того я обладаю преимуществами. Мне без труда удастся располагать к себе людей. Я дважды был женат, и оба раза счастливо. Наконец у меня есть собака. А это уже излишество. Тогда почему же я ощущаю себя на грани физической катастрофы? Откуда у меня чувство безнадежной жизненной непригодности? В чем причина моей тоски? Я хочу в этом разобраться. Постоянно думаю об этом. Мечтаю и надеюсь вызвать призрак счастья. Мне жаль что прозвучало это слово ведь представления которые оно рождает безграничны до нуля. Я знал человека всерьез утверждавшего что он будет абсолютно счастлив если жилконтора заменит ему трубу. Суетное чувство тревожит меня. Ага, подумают возомнил себя непризнанным гением! Да нет же! Я выслушал сотни, тысячи откликов на мои рассказы. И нигде ни в единой самой убогой самой фантастической петербургской компании меня не объявляли гением. Тринадцать лет назад я взялся за перо. Написал роман семь повестей и четыреста коротких вещей. Побольше чем Гоголь. Я убежден что мы с Гоголем обладаем равными авторскими правами. Правом обнаружить написанное. За что же моя рядовая честная единственная склонность подавляется бесчисленными органами лицами институтами великого государства?! Я должен это понять. **Не буду утруждать себя композицией, сумбурно длинно и невнятно попытаюсь изложить свою творческую биографию.** Это будут приключения моих рукописей портреты знакомых документы (По С. Довлатову).

42

Я встретился с бывшими приятелями. Общаться нам стало трудно. Возник какой-то психологический барьер. Друзья кончали университет серьезно занимались филологией. **Подхваченные теплым ветром начала шестидесятых годов они интеллектуально расцвели** а я безнадежно отстал. Я напоминал фронтовика который вернулся и обнаружил что его тыловые друзья преуспели. Я побывал на студенческих вечеринках. Рассказывал кошмарные лагерные истории. Меня деликатно слушали и возвращались к актуальным филологическим темам Пруст, Берроуз, Набоков. Все это мне казалось удивительно пресным. Я был одержим героическими лагерными воспоминаниями. Я произносил тосты в честь умерщвленных надзирателей и конвоиров. Рассказывал о таких ужасах которые в своей чрезмерности были лишены правдоподобия. Я всем надоел. Мне понятно за что высмеивал Тургенев недавнего каторжанина

Достоевского. К этому времени моя жена полюбила знаменитого столичного литератора. Тогда я окончательно надулся и со всеми перессорился. Надо было искать работу. Мне казалось в ту пору что журналистика сродни литературе. И я поступил в заводскую многотиражку. Газетная работа поныне является для меня источником существования. Сейчас газета мне опротивела, но тогда я был полон энтузиазма. Много говорится о том что журналистика для литератора занятие пагубное. Я этого не ощутил. В этих случаях действуют различные участки головного мозга. Когда творишь для газеты изменяется даже почерк. Итак я поступил в заводскую многотиражку. Одновременно писал рассказы. Их становилось все больше. Я должен был кому-то показать свои рукописи но приятели с филфака не внушали доверия а знакомых литераторов у меня не было (По С. Довлатову).

43

Мои рассказы попали к Игорю Ефимову. Ефимов их прочел. Кое-что одобрил. Через него я познакомился с Борисом Вахтиным, Марамзиным и Губиным. Четверо талантливых авторов представляли литературное содружество «Горожане». Само название противопоставляло их крепнущей деревенской литературе.

Негласным командиром содружества равных был Вахтин. Мужественный энергичный Борис чрезвычайно к себе располагал. **Излишняя театральность его манер порою вызывала тайные насмешки. Смеяться открыто не решались.** Потом я узнал что Вахтину хорошо заметны его слабости. Что он нередко иронизирует в собственный адрес. А это – неопровержимый признак ума. Мне известно что Вахтин совершил немало добрых поступков элементарного житейского толка. Ему постоянно досаждали чьи-то жены которые требовали алименты. Его домогались инвалиды. К нему шли жертвы всяческих беззаконий.

Губин был человеком другого склада. Выдумщик плут сочинитель он начинал легко и удачно. Но его довольно быстро раскусили. Последовал длительный тяжелый неуспех. И Губин мне кажется сдался оставил литературные попытки. Сейчас он чиновник неизменно приветливый добрый веселый. За всем этим чувствуется драма. Сам он говорит что писать не бросил. Мне хочется этому верить. Писатель не может бросить свое занятие. Это неизбежно привело бы к искажению его личности. Губин рассказывает о себе:

– Да, я не появляюсь в издательствах. Это бесполезно. Но я пишу. Пишу ночами. И достигаю таких вершин о которых не мечтал!

Повторяю я хотел бы этому верить. Но в сумеречные озарения поверить трудно. Ночь опасное время. Во мраке так легко потерять ориентиры (По С. Довлатову).

44

Марамзин сейчас человек известный. Живет в Париже редактирует «Эхо». Когда мы познакомились он уже был знаменитым скандалистом. Смелый талантливый и расчетливый Марамзин я уверен давно шел к

намеченной цели. Его замечательную несколько манерную прозу украшают внезапные оазисы ясности и чистоты: «Я свободы не прошу. Зачем мне свобода? Более того у меня она кажется есть». Замечу что это написано до эмиграции.

О Ефимове писать трудно. Игорь многое предпринял чтобы затруднить всякие разговоры о себе. Попытки рассказать о нем уводят в сторону казенной характеристики: «Честен, принципиален, морально устойчив. Пользуется авторитетом...» Вспоминаю такую историю. Шли выборы правления Союза писателей. Голосовали по спискам. Неудобную кандидатуру следовало вычеркнуть. В коридоре Ефимов повстречал Минчковского. Тот задорно произнес «Идем голосовать!» Пунктуальный Ефимов уточнил «Идем вычеркивать друг друга...» Ефимов человек не слишком откровенный. Книги и даже рукописи не отражают полностью его характера. Я хотел бы написать это человек сложный... Сложный значит не пиши. А то знаете в переводных романах делают иногда беспомощные сноски: «В оригинале – непереводаемая игра слов...» Думаю Ефимов самый многообещающий человек в Ленинграде. Если не считать Бродского...

Наверное я мог бы вспомнить об этих людях что-то плохое. Однако делать этого принципиально не желаю. Не хочу быть объективным. Я люблю своих товарищей. Они отнеслись ко мне благосклонно. Я был единодушно принят в содружество «Горожане». Но тут сказалась характерная черта моей биографии – умение попевать лишь к шапошному разбору. Стоит мне приобрести что-нибудь в кредит и эту штуку тотчас же уценивают. С лагерной темой опоздал года на два. В общем пригласив меня содружество немедленно распалось (По С. Довлатову).

45

Среди моих знакомых преобладали неординарные личности. Главным образом дерзкие начинающие писатели бунтующие художники и революционные музыканты. Даже на этом мятежном фоне Бродский резко выделялся. Нильс Бор говорил Истины бывают ясные и глубокие. Ясной истине противостоит ложь. Глубокой истине противостоит другая истина не менее глубокая. Мои друзья были одержимы ясными истинами. Мы говорили о свободе творчества о праве на информацию об уважении к человеческому достоинству. Мы были стихийными, физиологическими атеистами. Так уж нас воспитали. Бродского волновали глубокие истины. Понятие души в его литературном и жизненном обиходе было решающим центральным. Казалось что будни нашего государства воспринимались им как умирание покинутого души тела. Или как апатия сонного мира где бодрствует только поэзия. Рядом с Бродским другие молодые нонконформисты казались людьми иной профессии. Бродский создал неслыханную модель поведения словно жил не в пролетарском государстве, а в монастыре собственного духа. Он не боролся с режимом. Он его не замечал. И даже нетвердо знал о его существовании. Его неосведомленность в области советской жизни казалась притворной. Например он был уверен что Дзержинский жив. И что «Коминтерн» название музыкального ансамбля. Он не узнавал членов Политбюро ЦК. Когда на

фасаде его дома укрепили шестиметровой портрет Мжаванадзе Бродский сказал:

– Кто это? Похож на Уильяма Блэйка...

Своим поведением Бродский нарушал какую-то чрезвычайно важную установку. И его сослали в Архангельскую губернию. Советская власть обидчивая дама. Худо тому кто ее оскорбляет. Но гораздо хуже тому кто ее игнорирует (По С. Довлатову).

46

Декабрьским утром 67-года я отослал целую пачку рассказов в журнал «Новый мир». Откровенно говоря я не питал иллюзий. Запечатал отослал и все. «Новый мир» тогда был очень популярен. В нем сотрудничали лучшие московские прозаики. В нем печатался Солженицын. Я думал что ответа вообще не последует. Меня просто не заметят. И вот получаю большой маркированный конверт. В нем – мои слегка помятые рассказы. К ним прилагается рецензия знаменитой Инны Соловьевой и короткое заключение отдела прозы. Воспроизвожу наиболее существенные отрывки из этих документов: «Эти небольшие рассказы читаешь с каким-то двойным интересом. Беспощадный дар наблюдательности вооружает писателя сильным биноклем: малое он различает до подробностей, большое не заслоняет его горизонтов. **Хочется еще сказать о блеске стиля о некотором щегольстве резкостью о легкой бравате в обнаружении прямого знакомства автора с уникальным жизненным материалом, для других – невероятным и пугающим.** Скажу что лишь начав профессиональную жизнь Довлатов освободится от излишеств литературного самоутверждения но эта моя убежденность еще не открывает перед талантливым автором журнальных страниц». Рукописи были отклонены. И все-таки это письмо меня обнадежило ведь главное для меня написать что-то стоящее.

Через несколько лет меня перестанут интересовать соображения рецензентов. Я буду сразу же заглядывать в конец: «Тем не менее рассказы приходится возвратить»; «В силу известных причин рассказы отклоняем»; «Рассказы использовать не можем хотя они произвели благоприятное впечатление». Таких рецензий у меня накопилось больше сотни (По С. Довлатову).

47

Шло время. Я познакомился с рядовыми журнальными чиновниками. С некоторыми даже подружился. Письма из редакций становились все менее официальными. Теперь я получал дружеские записки. Вместо ответственных казенных документов – фамильярный звонок по телефону:

– Здорово старик! Должен тебя огорчить – не пойдет. Ты же знаешь как у нас это делается. Ты ведь умный человек. Может у тебя есть что-нибудь про завод? В общем звони...

Я не обижался. Результат один и тот же. Вот несколько образцов дружеских посланий. «Дорогой Сергей! **С грустью возвращаем твою**

повесть одобренную рецензентом но запрещенную выше. Верю что рано или поздно твоя встреча с читателями «Звезды» состоится. Жму руку». Или: «Дорогой Сережа! Твои рассказы всем понравились но при дальнейшем ходе событий выяснилось что опубликовать их нет возможности. Рукопись возвращаем. Ждем твоих новых работ. Звони». Друзья работающие в журналах искренне хотели мне помочь. Только возможностей у них было маловато. Поэтому я на них не обижаюсь.

В Ленинграде есть особая комиссия по работе с молодыми авторами. Однажды меня пригласили прийти на заседание этой комиссии. Члены комиссии спросили «Чем можно вам помочь?» «Ничем» сказал я. «Ну, а все-таки? Что нужно сделать в первую очередь?» Тогда я им ответил «В первую очередь нужно захватить мосты. Затем оцепить вокзалы. Блокировать почту и телеграф...» Члены комиссии вздрогнули и переглянулись...

Шли годы. Я уже не ограничивался службой в многотиражке. Сотрудничал как журналист в «Авроре», «Звезде» и «Неве». Напечатал три очерка и полтора десятка коротких рецензий. В общем меня изредка публиковали. Хоть и не по специальности (По С. Довлатову).

48

В журнале «Нева» служил мой близкий приятель Лерман. Давно мне советовал:

– Напиши о заводе. Ты же работал в многотиражке.

И вот я сел разложил свои газетные вырезки. Перечитал их. Решил на время забыть о чести. И быстро написал рассказ «По заданию» – два авторских листа тошнотворной елейной халтуры. Там действовали наивный журналист и передовой рабочий. Журналист задавал idiotские вопросы по схеме передовик эту заведомую схему разрушал. Деталей откровенно говоря не помню. Перечитывать это дело стыжусь. В «Неве» мой рассказ прочитали и отвергли. Лерман объяснил:

– Слишком хорошо для нас.

– Хуже не бывает – говорю.

– Бывает. Хочешь убедиться раскрой журнал «Нева».

Я был озадачен. Я решил продать душу сатане а что вышло? Вышло что я душу сатане подарил. Что может быть позорнее? Я отослал свое произведение в «Юность». Через две недели получил ответ: «Берем». Еще через три месяца вышел номер журнала. В текст я даже не заглянул.

Летом 68-го года меня отыскал по телефону незнакомый человек. Назвался режиссером Аристарховым. Сказал что у него есть заманчивое предложение. Мы встретились. **Аристархов предложил мне написать сценарий документального фильма о Бунине.** Я позвонил моему бедствующему товарищу филологу Арьеву. Вдвоем мы написали заявку на шестнадцати страницах. Мы любовались своим произведением. В нем были четко сформулированы идейные предпосылки. Все-таки Бунин эмигрант. Бежал от коммунистов скончался в эмиграции. При этом – классик русской литературы. Один из четырех русских нобелевских лауреатов. Мы

выдвинули термин «духовная репатриация» Бунина и очень этим гордились. Мы взывали к чувству национальной гордости. Наконец выразили скромную готовность посетить Францию чтобы тщательнее исследовать архивы Бунина.

– Саму заявку можно экранизировать говорил Аристархов (По С. Довлатову).

49

Таллин называют искусственным кукольным бутафорским. Я жил там и знаю что все это настоящее. Значит для Таллина естественно быть чуточку искусственным. Эстонскую культуру называют внешней. Но ругают внешнюю культуру думаю потому что ее так заметно не хватает гостям эстонской столицы. В Эстонии – нарядные дети. В Эстонии нет бездомных собак.

Почему я отправился именно в Таллин? Почему не поехал в Москву? Не в Киев где у меня есть влиятельные друзья? Сложно сказать. Разумные мотивы отсутствовали, была попутная машина. Дела мои зашли в тупик. Долги, семейные неурядицы, чувство безнадежности.

Знакомых у меня в Таллине не было. Было два телефона кем-то небрежно продиктованных. **Наутро я уже сидел в кабинете заместителя редактора «Молодежи Эстонии». Начал печататься как внештатный автор.** Затем работал ответственным секретарем в портовой многотиражке. Еще через месяц пригласили в отдел информации «Советской Эстонии». Материальное и гражданское положение несколько стабилизировалось. У меня появились друзья среди таллинской интеллигенции журналисты, филологи, молодые ученые. Я давал им почитать свои рассказы. Город маленький все друг друга знают слухи распространяются быстро. Мне сообщили что в издательстве ждут когда я представлю рукопись. Редактор Эльвира Кураева встретила меня чрезвычайно приветливо. Через несколько дней звонит – очень понравилось. Даем на рецензию в Тартуский университет.

– А можно самому Лотману?

– Вообще-то можно. Юрий Михайлович с удовольствием напишет рецензию. Только не советую. Его фамилия привлечет нежелательный интерес. Пошлем доценту Беззубову. Это очень знающий человек специалист по творчеству Леонида Андреева.

Беззубов написал положительную рецензию. О моей книжке заговорили (По С. Довлатову).

50

Я спросил одного из работников журнала:

– Кого мне опасаться в редакции?

Он ответил быстро и коротко:

– Всех!

Об этом человеке стоит рассказать подробнее. Начинал он с группой

очень талантливой молодежи. С Поповым, Ефимовым, Битовым, Марамзиным. Неглупый и даровитый он быстро разобрался в ситуации. Понял что угодить литературным хозяевам несложно. Лавры изгоя его не прельщали. Он начал печататься. Казалось что его литературные данные составляли оптимальный вариант. Ведь полная бездарность – нерентабельна. Талант – настораживает. Гениальность – вызывает ужас. Самое подходящее умеренные литературные способности. Он умерил свой талант. Издал подряд шестнадцать книг. Первые были еще ничего. Но с каждым разом молодой писатель упрощал свои задачи. Последние его книги сугубо утилитарны. Это биографии вождей, румяные политические сказки. Производил он их умело быстро доброкачественно. Получше чем многие другие.

Он растерял товарищей своей молодости. Беспредельная уступчивость и жажда комфорта превратили его в законченного функционера. **Оставив живую творческую среду он не примкнул и к разветвленной шайке литературных мешочников.** Наглухо застрял между этажами. Женственная пугливость делала его игрушкой любого злодейского начинания. К нему относились скептически. Его угодливая робость вызывала пренебрежение начальства. Высокий материальный статус законно раздражал бедняков. Ему пришлось пережить полное безысходное одиночество. К чести его добавлю он едва ли заблуждался на собственный счет. Он знал что делает. Наглядно мучился и принимал какие-то решения. Вся его жизнь свидетельствует нет большей трагедии для мужчины чем полное отсутствие характера (По С. Довлатову).

51

Три года я не был в Ленинграде. И вот приехал. Встретился с друзьями. Узнал последние новости. Хейфец сидит. Виньковецкий уехал. Марамзин уезжает на днях. Поговорили на эту тему. Один мой приятель сказал:

– Чем ты недоволен если разобратся? Тебя не печатают? Не печатают зато ты жив...

Перспективы были самые туманные. Раньше мы хоть в Союз писателей имели доступ. Читали свои произведения. Теперь и этого не было. Я стал искать работу. Сунулся в многотиражку. После республиканской газеты это было унижительно. К счастью работа оказалась временной. **Тут мне позвонил Воскобойников и пригласил на полгода заменить литсотрудника в «Костре».** Недели три решался этот вопрос. Затем меня известили что я должен приступить к работе. Это было для меня приятной неожиданностью. Уверен что мою кандидатуру согласовывали в обкоме. Так положено. А значит обком не возражал. Видно есть такая метода не унижать до предела. Не вынуждать к опрометчивым поступкам.

Мне было непонятно зачем я им понадобился. В детской прозе не разбираюсь. Диплома у меня нет. Лосев пояснил:

– Вы человек с какими-то моральными проблесками. А это – большой дефицит. Если взять негодяя он постепенно вытеснит литсотрудника. А может быть и самого Воскобойникова. Короче, ваше преимущество

безвредность.

Редактировал «Костер» детский писатель Сахарнов. Я прочитал его книги. Они мне понравились. Непрительные морские истории. Сахарнову удавалось выпускать шесть-семь книжек за год. Недаром считают что ресурсы океана безграничны. Дельфины нравились Сахарнову больше чем люди. Он этого даже не скрывал. Его можно понять. Трудолюбивый и дисциплинированный он занимался собственной литературой. Журнал был для него символом пакетом акций золотым обеспечением (По С. Довлатову).

52

Заместителем редактора «Костра» был старый пионервожатый Юран. За восемь месяцев я так и не понял что составляет круг его обязанностей. Он часами мог бродить по коридору. Порой его начинала мучить совесть. Юран заходил в одну из комнат где толпилось побольше народу. Брал трубку:

– Алло! Это метеостанция? Фролова пожалуйста! Обедает? Простите... Алло! Секция юных натуралистов? Валерия Модестовна у себя? В отпуске? Извините... Алло! Комбинат бытового обслуживания? Можно попросить Климовицкого? Болен? Жаль... Передайте ему что звонил Юран.

Секретарша однажды шепнула мне:

– Обрати внимание. Юран набирает пять цифр. Не шесть, а пять. И говорит разную чепуху в пустую трубку. Симулирует производственное рвение.

У редактора был денщик, мальчик на побегушках – Хохлов. Когда-то редактор возвысил его до штатного места. И вот теперь Хохлов демонстрировал рабскую преданность. В конце дня он ловил Сахарнову такси. Причем мчался на улицу в рубашке, особенно зимой. То есть совершал на глазах у босса рискованный подвиг. Все что я знал о нем было таинственно. И уголовно наказуемо. **Сначала он хотел всучить мне автограф Льва Толстого подделанный дрожащей неискусной рукой.** Затем – утраченный секрет изготовления тульских пряников. Потом объявил в журнале тиражом 600 000 экземпляров конкурс юных нумизматов. В редакцию хлынул денежный поток. Школьники высылали свои коллекции. Хохлов их беспардонно присваивал. Вслед за деньгами явился милицейский наряд. Друга малышей едва не посадили года на три. Выручил его Сахарнов.

Самой шумной в редакции была Пожидаева. Этакий пятидесятилетний сорванец. Вечно уязвленная голосистая заплаканная она повсюду различала козни и наветы. Трагическая жизнь интеллигента не соответствующего занимаемой должности превратила ее в оживленную мегеру (По С. Довлатову).

53

Я работал в «Костре». То есть из жертвы литературного режима превратился в функционера этого режима. Функционер очень емкое слово. **Занимая официальную должность становишься человеком функции. Вырваться за диктуемые ею пределы невозможно без губительного**

скандала. Функция подавляет тебя. В угоду функции твои представления незаметно искажаются. И ты уже не принадлежишь себе. Раньше я будучи гонимым автором имел все основания ненавидеть литературных чиновников. Теперь меня самого ненавидели. Я вел двойную жизнь. В «Костре» исправно душил живое слово. Затем надевал кепку и шел в Детгиз, «Аврору», «Советский писатель». Там исправно душили меня. Я был одновременно хищником и жертвой. Первое время я действовал более или менее честно. Вынимал из кучи макулатуры талантливые рукописи передавал начальству. Начальство мне их брезгливо возвращало. Постепенно я уподобился моим коллегам из «Невы». На первой же стадии внушал молодому автору:

– Старик это безнадежно! Не пойдет...

– Но ведь печатаете же бог знает что!

Да, мы печатали бог знает что! Не мог же я увольняться из-за каждого бездарного рассказа появившегося в «Костре»! Короче говоря моя редакторская деятельность подвигами не ознаменовалась. К этому времени журнал безнадежно утратил свои преимущества. Традиции Маршака и Чуковского были преданы забвению. Горны и барабаны заглушили щебетание птиц. Все больше уделялось места публицистике. Этими материалами заведовал Герман Беляев хороший журналист из тех что «продаются лишь однажды». По существу он был добрым и порядочным человеком. Но он был слеп ко всему что лежало за горизонтом его разумения. Кроме того номенклатурные должности заметно развратили его. Приобщили к малодоступным житейским благам (По С. Довлатову).

54

Лосев заведовал массовым отделом. Проработал в «Костре» четырнадцать лет. Пережил трех редакторов. **Относились к нему в редакции с большим почтением. Его корректный тихий голос почти всегда бывал решающим.** Мало этого кукольные пьесы Лосева шли в двадцати театрах. Четырехкомнатная квартира финская мебель замша поездки на юг Лосев достиг всех стандартов отечественного благополучия. Втайне он писал лирические стихи которые нравились Бродскому. Неожиданно Лосев подал документы в ОВИР. В «Костре» началась легкая паника. В редакции дезертир. Разумно действовал один Сахарнов. Он хотел чтобы вся эта история прошла без лишнего шума. Остальные жаждали крови требовали собрания буйных дискуссий. Помню Беляев спросил:

– Знаешь почему уезжает твой друг?

– Видно хочет жить по-человечески.

– Вот именно. У него в Америке богатый дядя.

Я сказал:

– Да брось ты Герман! Зачем ему американский дядюшка! У Лосева отец известный драматург. И сам он зарабатывает неплохо. Так что причина не в этом.

– А я тебе говорю, не унимался Беляев, что дядя существует. Причем миллионер и даже нефтяной король.

Мне надоело спорить:

– А может ты и прав.

Еще больше поразило меня другое. В редакции повторяли одну и ту же фразу «Ведь он хорошо зарабатывал...» Людям в голову не приходило что можно руководствоваться какими-то соображениями помимо денежных. Да и не могло им такое в голову прийти. Ведь тогда каждому следовало признать «Человек бежит от нас!» (По С. Довлатову).

55

Летом 76-го года я опять послал книгу в издательство «Советский писатель». Впервые я обратился сюда пять лет назад. Меня тогда познакомили с издательским редактором. Она предложила мне зайти. Рукопись потом лежала у нее четыре месяца. Я появлялся каждые две-три недели. Редактор опускала полные слез глаза:

– Это так своеобразно...

Однако книга моя так и не была зарегистрирована. Я не обижался. Знал что прав у редактора никаких.

– Допустим я отдам вашу книгу на рецензию. А вдруг ее зарежут? – уныло шептала она.

– Я уже написал вторую книгу.

– Ее тоже зарежут. Нужно будет ждать третью.

– Я уже написал третью книгу.

К этому времени у меня было шесть готовых сборников. Редактор хотела мне помочь. Но что она могла – бесправная, запуганная, робкая?

Теперь я решил действовать четко и официально. Никаких товарищеских переговоров. Регистрирую книгу. Жду рецензии. Потом... Что собственно будет потом я не знал. Я был уверен что рукопись мне возвратят. Зачем же спрашивается шел я в издательство? Неискушенному человеку это трудно объяснить. Казалось бы все понимаешь. И все-таки надеешься... Я ждал три месяца. Потом зашел в издательство.

– Когда будет готова рецензия?

– Я еще не отдавала...

– Почему?

– Хочу найти такого рецензента...

– Не ждите. Отдайте любому.

– Но ведь книгу зарежут!

– Пускай. Тогда я буду действовать иначе. Мне надоело. Есть у вас какой-нибудь список постоянных рецензентов?

– Есть. Вот он.

– Кто там первый?

– Авраменко.

– Отдайте ему.

– Авраменко поэт. Кроме того он недавно умер.

– А кто последний?

– Урбан.

- Жив?
- Конечно. Господь с вами...
- Дайте Урбану.
- Действительно. Как я не сообразила?! Урбан знающий и принципиальный человек. Он поймет насколько это своеобразно... (По С. Довлатову).

56

Через шесть дней мне позвонили.

– Заходите.

Рецензия была готова. До этого мне стало известно что Урбан готовит положительную рецензию. Я пошел в издательство.

– Рецензия довольно своеобразная прошептала редактор.

Я быстро прочел начало. Compliments насторожили меня. **Я как обычно деловито заглянул в конец: «Издавать роман в подобном виде вряд ли представляется целесообразным».** Остальное можно и не читать. Примерно этого я и ожидал. И все-таки расстроился. Меня расстроило явное нарушение правил. Когда тебя убивают враги это естественно. Но ведь Урбан действительно талантливый человек.

Знаю я наших умных и талантливых критиков. Одиннадцать месяцев в году занимаются проблемами чередования согласных у Рабиндраната Тагора. Потом им дают на рецензию современного автора. И тогда наши критики закатывают рукава. Мобилизуют весь свой талант весь ум всю объективность. И с этой вершины голодными ястребами кидаются на добычу. Им командовали – можно! Им разрешили показать весь свой ум весь талант всю меру безопасной объективности. Урбан написал справедливую рецензию. Написал ее так будто моя книга уже вышла. И лежит на прилавке. И вокруг лежат еще более замечательные произведения на которые я должен равняться. Урбан написал рецензию как страстный борец за вечные истины. Умный критик прекрасно знает что можно. Еще лучше знает чего нельзя... Я потом его встретил. Он заговорил с тревожным юмором:

– Хотите наверное меня побить?

– Нет, солгал я. Вы написали объективную рецензию.

Урбан страшно оживился:

– Знаете интересная рукопись побуждает к высоким требованиям. А бездарная – наоборот.

Ясно, думаю. Бездарная рукопись побуждает к низким требованиям. В силу этих требований ее надо одобрить издать. А интересную надлежит уничтожить (По С. Довлатову).

57

Он лежал на спине крепко сомкнув ресницы и чувствовал как весь без остатка растворяется в ослепительном южном солнце. Это было удивительное и приятное ощущение. Не всегда ему удавалось его вызвать.

Для этого нужна полная отрешенность нужно забыть про свое тело и не слышать ничего даже ровного плеска легких морских волн, – кругом должно быть сплошное желтое безмолвие. Тогда ты чувствуешь как солнце входит в тебя и наполняет густым золотистым сиянием. Перед глазами начинают мельтешить крошечные солнечные существа летающие на золотых ладьях... И вдруг все сразу кончилось. Померк желтый свет исчезли человечки со своими золотыми ладьями, пришли будто пробиваясь из плотного тумана негромкие голоса отдаленное ворчание лодочного мотора сердитое шипение волны и совсем рядом мелодичный звон гальки ожившей под чьими-то ногами. Он уже знал что больше ничего подобного не повторится. Сколько бы ни лежал на пляже и ни ждал золотые человечки на золотых ладьях сегодня больше не появятся. Он отвернул голову от яркого солнца и немного приоткрыл глаза **высокая девушка не спеша удалялась по кромке берега в сторону причала.** Ей оглядывались вслед но казалось что она никого не замечала. Он ее здесь еще не видел. По-видимому только что приехала в Коктебель раз даже загореть не успела. Сам-то он за две недели что прохлаждается здесь успел обуглиться как головешка. Из всей их компании он самый черный. Конечно все это ерунда приедешь в Ленинград и не заметишь как южный загар за месяц сползет. Да собственно что тут еще делать если не загорать и не купаться? (По В. Козлову).

58

Коктебель поселок маленький никаких тебе развлечений только пляж и море, да еще прогулки в горы. И все равно Коктебель ему нравится так уж повелось что каждый отпуск он с друзьями выбирается сюда хотя бы на две недели. Здесь что-то еще сохранилось от дикого первобытного Крыма да и народу не так много... **Он осторожно вошел в холодную зеленовато-прозрачную воду и оттолкнувшись ногами поплыл.** Сначала было такое ощущение будто все тело наждачной бумагой натерли даже заныло под ложечкой но скоро он перестал чувствовать жгучий пронизывающий холод. Перевернулся на спину и глядя в голубое ослепительное небо поплыл к красному бую дальше которого заплывать запрещалось. Если у берега вода была еще терпимой то здесь и вовсе холодной. Было начало мая и купались в море далеко не все. С непривычки вода обжигала могла вызвать судороги. Многие полежав на солнце осторожно забирались по колено быстро приседали и пулей выскакивали на берег так что купающихся было мало. Белые камни на дне казалось были совсем рядом протяни руку и дотронешься. На самом деле здесь было глубоко. Он проплыл мимо бую. Вывел его из задумчивости многократно усиленный динамиком скрипучий голос: «Гражданин вернитесь в зону купания!» Он еще проплыл немного вперед и повернул обратно. Ребята-спасатели могут сесть в моторку и на глазах всего пляжа насильно «спасти» его. Буй то исчезал за величественным гребнем волны то снова появлялся. А он и не заметил что волна поднялась она уже не зеленая а темная со свинцовым отливом. Подплыл к бую уцепился за скользкую ржавую цепь обросшую тиной. Когда на волнах засверкают

белые гребешки лучше поспешить к берегу с расходившемся морем шутки плохи (По В. Козлову).

Литература

1. Скобликова, Е.С. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения / Е.С. Скобликова. – Самара, 1997.

Дополнительная литература

1. Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – М., 1968.
2. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М., 1978.
3. Валгина, Н. С. Трудные вопросы пунктуации / Н.С. Валгина. – М., 1983.
4. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М., 1973.
5. Лекант, П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке / П.А. Лекант. – М., 1976.
6. Распопов, И.П. Спорные вопросы синтаксиса / И.П. Распопов. – Ростов, 1981.
7. Розенталь, Д.Э., Голуб, И.Б., Теленкова, М.А. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М., 1994.
8. Сиротинина, О.Б. Лекции по синтаксису русского языка / О.Б. Сиротинина. – М., 1980.
9. Скобликова, Е.С. Очерки по теории словосочетания и предложения / Е.С. Скобликова. – Изд-во Саратовского ун-та, Куйбышевский филиал, 1990.
10. Скобликова, Е.С. Согласование и управление в русском языке / Е.С. Скобликова. – М., 1971.
11. Шапиро, А.Б. Современный русский язык. Пунктуация / А.Б. Шапиро. – М., 1977.